

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6+

5/2021

Учредители
журнала:

АО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

Т.М. Морева

И.И. Семёнова

А.П. Торопцев

З.А. Шишкова

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

Нина Володина. Я — незрячая мама **1**

Екатерина Шевичева. Адвокатура — это не бизнес, это искусство вести судебный процесс **9**

Анатолий Колдаков. Воспоминания частично видящего поселенца **22**

Евгения Зуева. Забытая история успеха **35**

Екатерина Рогачёва. Самое главное **45**

ПРОБА ПЕРА

Кирилл Кийский. Стихи **62**

Анна Ткачёва. Стихи **65**

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Елена Наливаева. Стихи **66**

Овсей Дриз. Стихи **69**

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Овсей Дриз. Стихи **79**

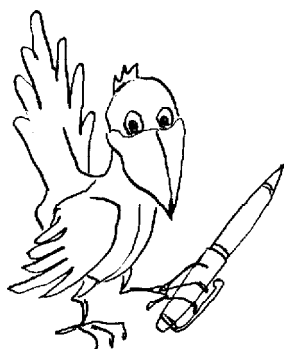
Кристина Стрельникова. Рассказы **82**

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

Нина Володина

Я — НЕЗРЯЧАЯ МАМА

ТВОЯ МАМА — СЛЕПАЯ!

Время шло, Лиза подрастала и переходила из группы в группу. Можно сказать, что с детским садом нам повезло. Воспитатели её не обижали, а одна из них, Тамара Владимировна, была просто замечательная. Она устраивала театрализованные представления, в которых участвовали все дети, даже самые застенчивые. Креативность буквально была из неё фонтаном, и мой ребёнок бежал к ней в группу с лёгким сердцем. Представьте себе, не всем такая активная позиция воспитательницы пришлась по душе. Нашлись «добрые» родители, которым было лень шить или придумывать для своих детишек костюмы. Кто-то написал на воспитательницу анонимку, и она от нас ушла.

Но я отвлеклась. Однажды, когда Лизе было 5 лет, мы пришли в детский сад, я помогала дочке раздеваться, и вдруг услышала:

— А твоя мама — во какая!

Мальчишка стоял в дверях группы и сильно жмурил глаза. Лиза ничего ему не ответила, а мне сказала, что

ей так часто говорят двое-трое ребят из их группы. Мне стало не по себе, а когда мне не по себе, я стараюсь включить мозги и как-то решить возникающую проблему, не откладывая её в долгий ящик.

Вечером, забирая Лизу, я рассказала воспитательнице о том, что услышала утром. Она пообещала поговорить с родителями детей, которые дразнились, а я, в свою очередь, попросила разрешения провести в группе что-то вроде урока доброты.

На другой день после полдника мы с воспитательницей посадили детей в кружок вокруг стола, я провела с ними беседу на доступном им языке о том, кто такие инвалиды, почему это бывает с людьми и как к ним относиться. При этом я показала, какие у незрячих часы, линейки, как они пишут, читают и даже рисуют. Воспитательницу больше всего «добила» рельефная карта Европы.

Дети слушали с большим интересом, всё трогали, задавали вопросы. С тех пор Лизу никто не дразнил.

К сожалению, дети — народ жестокий. Часто родители не считают нужным прививать им понятие о толерантности, о том, что мы все очень разные. Мою приёмную дочку Аню уже в школе, классе в шестом, стала дразнить одноклассница, что она тоже станет слепой, раз её мама и папа не видят. На обидчицу, правда, тут же ополчилась половина класса, и завязался бой. Пришлось мне опять договариваться с классной руководительницей, тащить в школу брайлевские прибаамбасы и проводить урок доброты для подростков. Дети с удовольствием пробовали читать и писать по Брайлю, потому что «ужасно интересно всё то, что неизвестно».

РАЗВИВАЕМСЯ

Мне, конечно, повезло, что рядом со мной всегда была моя мама. Она помогала Лизе учиться читать, писать и рисовать, заниматься разным детским творчеством. Но многие вещи я делала и сама. Тут, как говорится, было бы желание. Мы с Лизой делали бусы из наборов для детского творчества, занимались шнуровками, изучали счёт на предметах, знакомились с геометрическими фигурами, собирали различные пазлы. Но больше всего ей нравилось строить домики из конструктора типа «лего». Я показывала, как сделать стены, которые не будут разваливаться, как можно устроить крышу. Однажды Лиза сказала:

— Мам, у тебя самые красивые домики!

— Почему?

— Потому, что зрячий человек никогда не сможет так перемешать разные цвета, как ты...

Многими вещами с ребёнком можно заниматься просто на ходу, во время скучного пути в детский сад, например. Мы искали синонимы и антонимы, запоминали названия месяцев, перелётных и неперелётных птиц, учили стихи, пели песни. Для меня заниматься с дошкольником — одно удовольствие.

Однажды мы были в Москве, и Лиза пошла в театр на детский спектакль с папой. Было седьмое ноября. Возвращаются они, я спрашиваю у своей шестилетки, что ей понравилось, а она рассказывает, что видела демонстрацию и папа объяснил ей, что такое революция.

— Ну, и что же это? — спрашиваю я с удивлением.

— А это, — говорит, — вот что. Сидишь ты на стуле, а я захожу в комнату и говорю: слезай и уходи! Я тут теперь буду сидеть...

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

Когда Лизе исполнилось пять лет, мы с мамой решили, что раз у девочки такой хороший слух, нужно отдать её в музыкальную школу. Пришли перед 1 сентября, она спела завучу песенку, получила пятёрки за слух, ритм и музыкальную память, и её приняли на духовое отделение, в класс блок-флейты. Нам объяснили, что до 8 лет заниматься вокалом серьёзно нельзя, а флейта — инструмент полезный, лёгкие для вокала подготовит, да и болеть ребёнок не будет. Всё это правда. Если у кого-нибудь ребёнок часто болеет, очень советую пойти учиться играть на духовом инструменте. Резкий вдох и долгий выдох — отличная гимнастика. Знаю даже случаи, когда астматики излечивались; сама таких детей видела. Но, дорогие родители, не повторяйте моей ошибки! Если ребёнок не уникально одарён, в пять лет в музыкальной школе ребёнку делать нечего! Пятилетка должен наслаждаться детством, свободой, бегать, прыгать, играть в подвижные игры, терзать кукол, но уж точно не париться над нотами.

Музыкальная школа — это настоящая школа с уроками минимум по 40 минут, и уроков этих немало: 2 специальности, 1 сольфеджио, 1 слушание музыки, 1 ритмика, 1 хор, 1 индивидуальный вокал. И все учителя задают домашнее задание, на которое нужно потратить время. Это я теперь всё понимаю, а тогда порой мы с учительницей тратили по пол-урока, упрашивая вредную Лизу начать играть гамму фа мажор. Однажды я так рассвирепела, объясняя дочке, что такое реприза, что схватила блок-флейту и стукнула её по макушке. Потом мы обе плакали, я презирала себя за слабость, попроси-

ла прощения и клятвенно пообещала, что никогда больше флейтой драться не буду. Обещание сдержала.

Вообще, несмотря на отличный слух, учёба в двух музыкальных школах (обе Лиза закончила с красным дипломом) оказалась ошибкой, а почему так получилось — не знаю. Остаётся только утешать себя, что у тех, кто играет и поёт, мозги развиваются как-то по-другому, им легче учиться в школе. Порой я слышу от родителей: бросим, мол, музыкалку, на основную учёбу больше времени оставаться будет, успеваемость улучшится. Ничуть не бывало. Когда дети перестают заниматься музыкой, в общеобразовательной школе ничего не меняется к лучшему, скорее наоборот. Ребёнок расслабляется и «съезжает». У меня и с Лизой, и с приёмной дочкой получилось именно так. Правда, музыкалку они не бросили, а просто она закончилась. Но оценки в обычной школе снизились.

В это же время, в пять лет, мы записали Лизу в изостудию в соседнем ДК к очень хорошей пожилой учительнице, которую давно знали. Там Лиза подружилась с Машей, а эта Маша поступила в музыкальную школу по классу скрипки. Лиза стала проситься на скрипку, мы, хорошо не подумав, согласились, и мои мучения усугубились. Я сама играю на фортепиано (так себе, потому что руки маленькие, пальцы короткие и растяжка плохая), на блок-флейте училась вместе с Лизой. Купила флейту ей, а потом себе, чтобы играть вместе дома.

Но скрипка — это совсем другое. Струнно-смычковые — самые трудные инструменты, потому что у каждой руки — свои движения, да и слух нужен тонкий. Пришлось мне запоминать, на какой линеечке пишется какая нота в скрипичном и басовом ключе, на что нужно

обратить внимание при разучивании той или иной пьесы. К счастью, учителя в музыкальной школе были очень добрые, относились ко мне с пониманием, всегда позволяли присутствовать на уроке, записывать необходимое на диктофон, что-то играли мне под запись. Нормальный учитель музыки понимает, что для успеха нужно старание трёх человек: ученика, педагога и родителя, который будет помогать и давать «волшебный пинок».

Как-то раз задали Лизе этюд на скрипке разобрать. Ставим ноты на пюпитр, я её спрашиваю:

— Лиза, расскажи, какой размер, какие ноты.

Долго смотрит на ноты и заявляет:

— Ой, мам, ну я даже не могу сказать тебе, что тут написано...

Сама не знаю, как мы прошли через всё это!

ГОТОВИМСЯ К ШКОЛЕ

Мне казалось, что на подготовку к школе нам уж точно ходить не стоит. В коллективе Лиза чувствует себя нормально (ходит в садик, изостудию и музыкальную школу), читать, писать печатными буквами и считать умеет. Чего же ещё?! Оказалось, я была не права. На подготовку мы всё-таки записались, ходили по субботам в нашу будущую школу с 10 до 12 утра. Я сидела в коридоре и что-нибудь вязала, прислушиваясь к тому, что происходит в классе.

Приведу характерную картинку. Учительница объясняет детям, для чего нужны домашние животные. Она спрашивает:

— Дети, поднимите руки те, у кого дома есть кот или кошка.

Казалось бы, чего проще? Однако не тут-то было! В классе поднимается невообразимый гвалт:

— А у нас хомяк Хомка живёт!

— А у меня собака Ширли, очень непослушная!

— А у моей бабушки жил попугай, но умер!

И так далее.

Учительница призывает к тишине и повторяет свою просьбу. Опять слышится гвалт, но немного тише. Учительница повторяет то же самое в третий раз. Теперь почти все дети понимают, что от них требуется. Нужно просто поднять руку, если лично у тебя дома живёт кошка, вот и всё. Но находится пара «гениев», которые продолжают:

— А у моей бабушки кот Борис...

Это нам, взрослым, кажется, что в начальной школе всё просто, а у детей и ум, и психика устроены по-другому.

Поначалу Лизе было трудно справляться с графическими диктантами. На странице в клеточку была поставлена точка, учительница говорила, в каком направлении и сколько нужно провести шагов по клеточкам, и если ты всё делаешь правильно, у тебя получится очертание, например, лошадки или корабля. Моя дочка, видимо, не очень хорошо умела слышать, слушать и слушаться. Но зимой она заболела ветрянкой, и пока сидели на карантине, бабушка позанималась с ней в спокойной обстановке, и всё стало получаться.

А вот занятия во всяких «Почемучках» и «Развивайках» я недолюбливаю, особенно если ребёнок посещает детский сад. По-моему, это для ленивых родителей, которым проще тратить время своё и ребёнка, чтобы

отвести и привести его куда-то и сбавить на педагогов вместо того, чтобы потратить 20 минут и тихо-спокойно позаниматься раскладом числа на счётных палочках. Но, как говорится, «каждый выбирает для себя...»

*Продолжение читайте в следующем
номере журнала*

АДВОКАТУРА — ЭТО НЕ БИЗНЕС, ЭТО ИСКУССТВО ВЕСТИ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Большинство из нас считают, что обращаться к адвокату нужно лишь в случае серьёзного судебного разбирательства, а прочие правовые вопросы можно решить самостоятельно. «В юридических вопросах следует обращаться не к здравому смыслу, а к юристам» — не устают повторять опытные адвокаты. Без соответствующих знаний в области действующего законодательства довольно сложно отстаивать свои права и добиваться справедливого решения вашей проблемы. Поэтому, чем раньше вы обратитесь к специалисту, тем у него будет больше времени подготовиться и разрешить дело в вашу пользу.

Как становятся адвокатами, какие плюсы и минусы таит в себе эта профессия и может ли вести адвокатскую деятельность незрячий, «Школьному вестнику» рассказал практикующий адвокат Сергей Крюков.

Крюков Сергей Петрович — действующий адвокат, учредитель адвокатского бюро «Апологет» Адвокатской палаты Рязанской области. В 1999 году окончил Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение городского округа Королёв Московской области «Школу-интернат для слепых и слабовидящих детей». В 2004 году получил диплом Рязанского государственного университета имени С. Есенина по специальности

юрист. В настоящее время преподаёт спецкурс «Коррупционные преступления» в РГУ, оказывает юридические услуги в различных областях права.

— *К адвокатам во все времена общество относилось неоднозначно. На ваш взгляд, почему сегодня возрос интерес к этой профессии и она стала востребованной? Это дань моде или всё-таки наше общество стремится стать правовым?*

— Мне кажется, данью моде эта профессия была в то время, когда я получал высшее образование. Тогда юрфак был самым популярным факультетом и на него поступали все — и зрячие, и незрячие. Я бы не сказал, что юристы сегодня очень востребованы. На юридический факультет сегодня в основном поступают дети юристов, судей, прокуроров, полицейских. Это больше выбор самих людей, но уж точно не дань моде.

— *Сергей, а почему вы сами выбрали эту профессию? Это было спонтанное или сознательное решение?*

— В школьные годы я хотел стать историком. Потом понял, что с таким образованием много не заработаешь, а будешь сидеть и перебирать документы в архивах. Тогда я решил стать юристом и заниматься даже не адвокатской, а просто какой-нибудь деятельностью в сфере права. Об адвокатуре я в то время ничего не знал.

— *Но ведь мало просто иметь юридическое образование, чтобы быть адвокатом. Существуют ли какие-нибудь квалификационные экзамены, позволяющие юристу получить статус адвоката? В чём они заключаются?*

— Есть Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», который

регулирует деятельность как адвокатов, так и тех, кто хочет стать адвокатами. После того, как человек закончил юридический факультет, он должен два года отработать по профессии, то есть в трудовой книжке должна быть запись «юрист». Как вариант дипломированный специалист должен пройти официальную годовую стажировку у практикующего адвоката. Причём это может быть любое из основных адвокатских образований — адвокатское бюро, адвокатский кабинет или коллегия адвокатов. После этого надо сдать платный экзамен, который включает в себя испытательный тест и общие вопросы. Квалификационная комиссия, состоящая из адвокатов, судей, представителей Министерства юстиции и администрации правительства региона, оценивает аттестуемого, и он получает или не получает статус адвоката.

Я, например, после окончания университета несколько месяцев безуспешно искал работу по специальности, пока не пошёл стажёром в Рязанскую коллегию адвокатов. Стажировался я чуть больше года. Потом сдал квалификационный экзамен, стал адвокатом и начал работать в той же коллегии.

— *То есть вы как юрист нигде не работали, а сразу же начали заниматься адвокатской деятельностью?*

— Нет, почему же. Когда я учился на юрфаке, я, конечно же, подрабатывал юристом в библиотеке для слепых и слабовидящих в Рязани, набирался опыта, работал с документами, иногда участвовал в судебных заседаниях.

— *Какие основные достоинства и недостатки своей профессии вы могли бы назвать? Насколько слож-*

но, например, с психологической точки зрения работать адвокатом, ведь так или иначе — это работа с людьми?

— Начнём, пожалуй, с недостатков. Прежде всего — это небольшие заработки. Не надо думать, что адвокат гребёт деньги лопатой. К тому же практикующий адвокат платит много разных обязательных взносов. Есть, конечно, высокооплачиваемые адвокаты, их достаточно много. Стать таким — это большой и серьёзный труд. Ну, и везение, конечно, нельзя исключать.

Кроме того, работа адвоката — это работа в постоянном стрессе, в напряжении, потому что дел в производстве много и у каждого свои задачи. Мозг постоянно работает в фоновом режиме.

Если ты молодой адвокат и у тебя мало влиятельных знакомых, с кем ты сразу не попал в хорошую связку, то, соответственно, возникает проблема с клиентурой. Всегда очень трудно найти себе клиента, пока не заработал прочную деловую репутацию. И даже если у тебя есть и репутация, и клиенты, это не гарантирует тебе каждый месяц большие гонорары. Отсюда вытекает ещё один недостаток профессии — нестабильность заработка.

Поэтому тот, кто хочет стать адвокатом, должен понимать, что ему предстоит всегда тяжёлый выбор: он периодически будет задумываться, а нужно ли ему это, нужно ли терпеть постоянную нехватку денег, необходимо ли брать дополнительную подработку и так далее. Адвокат — очень требовательная профессия. Те, кто начинает зарабатывать по какой-нибудь смежной специальности, постепенно замещают ею адвокатскую деятельность.

Что касается психологических сложностей, то, если вы имеете склонность и интерес к такой работе, я не

думаю, что будут какие-то особые проблемы, которых нет в других профессиях.

Если говорить о незрячем или слабовидящем адвокате, то здесь существует некий стереотип — как же незрячий будет общаться с обычными людьми, клиентами. Надо сказать, что у меня такой проблемы вообще не было. Если вы закончили университет, то у вас социальная адаптация должна пройти уже там. Проблемы с общением в этом случае вообще не должно возникать. Те незрячие, которые реально работают в этой сфере, зачастую даже забывают, что у них какие-то проблемы со зрением существуют. Клиенту нужен результат, нужна качественная работа. А кем это будет достигнуто, ему не важно.

Из серьёзных достоинств в работе адвоката я бы выделил независимость. Если вы сможете удержаться в этой профессии, вы получите личную независимость. Ощущение внутренней свободы, которое появляется, когда вы не работаете в офисе и над вами нет начальников, дорогого стоит. Да, пока вы работаете с клиентом, он условно является вашим начальником. Но вы закрыли дело, получили гонорар и разошлись. А чувство независимости с вами остаётся.

Ещё одно достоинство — это возможность находить интересные дела, возможность развиваться в профессии. Адвокатура в этом смысле совершенно безгранична.

— Что является для адвоката главной задачей, целью и предназначением?

— Главной задачей для адвоката является максимальная защита интересов своего доверителя при сложившейся ситуации. Конечно, не всегда получается полностью защитить интересы клиента. По-разному бывает.

— *А кто в вашем представлении адвокат? Опишите его.*

— Это человек с широким кругом интересов, соответственно, с широким кругозором, умный. Адвокат никогда не будет старым, даже если он по возрасту уже в годах. Потому что эта профессия всегда будет от вас требовать какого-то развития. Это жёсткая конкуренция. Всегда нужно что-то осваивать, чему-то нужно учиться, а это не всегда легко. Если у адвоката это получается — значит он хороший адвокат.

— *А имидж важен для адвоката?*

— Важен. Имидж приносит гонорары. Но у меня всегда с этим были проблемы, даже не знаю, почему. Имидж — это такая сложная штука. Кому-то дано представить и показать себя, выставить себя с лучшей стороны, а кому-то нет.

— *На ваш взгляд, какими личностными и профессиональными качествами должен обладать настоящий адвокат?*

— Прежде всего он должен быть приличным человеком, как и любой человек. Что касается профессиональных качеств, то это проницательность, быстрый ум, умение контролировать своё эмоциональное состояние. Если ты, например, не умеешь контролировать чувство радости и злости, то тебе лучше поискать другую профессию. И, ещё раз повторяюсь, широкое образование, которое постоянно надо расширять. У меня было несколько дел, где приходилось осваивать вопросы, связанные, например, с родовспоможением. Я не стал экспертом в этой области, конечно, но где-то близко к этому. Были дела, где пришлось разбираться с различными строительными экспертизами. Поэтому пришлось осваи-

вать и эту сферу. Те адвокаты, которые работают по уголовным делам, по тяжким преступлениям, к примеру, им могут пригодиться глубокие знания криминалистики.

— *В какой области права вы сейчас работаете?*

— Я работаю в нескольких областях: уголовные дела, связанные с такими преступлениями, как мошенничество, взяточничество, растрата имущества, превышение или злоупотребление служебными полномочиями, нарушения различных строительных норм и правил, а также незаконные продажи медицинских и других товаров, которые ограничены к продаже или запрещены законом. Уголовное право у меня приоритетное.

Кроме того, я веду арбитраж — защиту и сопровождение организаций во время налоговых проверок, разрешение налоговых споров, обжалование в арбитражном суде, занимаюсь договорными отношениями. Что касается гражданского права, то я обычно беру дела, связанные с разделом имущества, наследственными спорами, порядком общения с детьми, правами собственности. Эти споры довольно сложные, но интересные.

— *А почему уголовное право для вас является приоритетным? Чем оно так вас привлекает?*

— Меняются клиенты, меняются их интересы. Но, если честно, мне действительно сейчас не очень нравится работать по гражданским делам, потому что, на мой взгляд, судебная система после реформы в этой сфере права значительно ухудшилась. Очень много на себя забрали власти в судах первой инстанции. А там, как мне кажется, не совсем квалифицированные люди сидят. По этой причине получить адекватное решение по гражданскому делу стало тяжелее. Часть решений просто какие-то дикие. Их трудно обжаловать. Мне ка-

жется, что я, занимаясь гражданскими делами, теряю свою адвокатскую квалификацию. Поэтому я стараюсь брать гражданских дел как можно меньше.

Когда в моей практике появляются сложные и интересные уголовные дела, которые долго и интересно идут, естественно, я на них переключаюсь.

— *Получается, что в сфере уголовного права больше возможностей профессионального роста?*

— В области уголовного права в России более сложная система, и даже если она меняется, она меняется не сразу. Считается, что наше государство не очень защищает права граждан, поэтому у адвоката всегда есть возможность добиться хороших результатов. Уголовная система в России более понятна, и с нею легче работать, если ты понимаешь, как.

— *Сергей, а вы помните своё самое первое дело? Чем оно вам запомнилось?*

— Моё первое дело у меня было, когда я был ещё студентом четвёртого курса. В библиотеку, где я подрабатывал, обратилась девушка-инвалид, которая закончила юрфак с красным дипломом. Её не хотели брать на работу. Она подала в суд, а я представлял в суде интересы библиотеки. Собственно, это дело мне и запомнилось только тем, что оно было первым. Девушку тогда так и не взяли на работу. Были свои сложности, и суд на это не пошёл.

Мое первое уголовное дело, когда я уже стал адвокатом, тоже не было особо примечательным. Женщина ездила в общественном транспорте по поддельным документам. Статья 327 Уголовного кодекса. Прекратили уголовное преследование лица при деятельном раскаянии. Запомнилось это дело опять же потому, что было

первым — знакомство с деятельностью полиции, поход в суд по уголовному делу и всё такое.

— *За последний год у вас было больше успешных дел или провальных?*

— Было одно гражданское дело, результатом которого я остался крайне недоволен, хотя я бы не сказал, что мы, я имею в виду моё адвокатское бюро, его провалили. Наша задача — достигать заранее согласованного результата, который устраивает клиента. В основном мы таких результатов добиваемся, как, собственно, и другие адвокаты.

— *Вы упомянули об адвокатском бюро. Когда оно было основано и что стало причиной его появления? В чём отличия работы бюро и простого адвоката при коллегии?*

— Сначала я работал в коллегии адвокатов, набирался опыта, а уже потом ушёл в свободное плавание. У меня появился адвокатский кабинет — это форма адвокатского образования, в котором адвокат работает один. В то время со мной работала моя коллега Евгения Тимофеева. Тогда у неё не было статуса адвоката, она была моим помощником. Потом она сдала квалификационный экзамен и из помощника превратилась в управляющего партнёра нашего адвокатского бюро. Теперь мы оба адвокаты, соответственно, больше дел мы можем взять в работу. Деятельность бюро отличается от работы в коллегии адвокатов тем, что все дела ведутся бюро. То есть это коллективная работа, нет такого, чтобы у каждого адвоката было своё дело. В коллегии наоборот, каждый может работать сам за себя.

— *За годы вашей практики у вас появилось достаточно процессуальных оппонентов среди коллег-ад-*

вокатов. Как вы относитесь к конкуренции среди коллег? Существует ли в нашей стране здоровая конкуренция в адвокатской среде?

— Конкуренция существует и вполне здоровая. Адвокатское сообщество достаточно жёстко регулируется. Есть Федеральный закон, о котором я уже упоминал. Кроме того, существует кодекс адвокатской этики — внутренний документ, принятый адвокатским сообществом, который регулирует деятельность адвокатов. Адвокатов достаточно много, конкуренция есть, но она не явная. Клиенты не бегают от одного адвоката к другому, хотя иногда и такое бывает. Благодаря тому, что у нас есть нормы, которые все эти вопросы регулируют, конкуренция в нашей среде вполне здоровая и корректная. Процессуальные оппоненты у меня, конечно, есть, но оппонентов-врагов точно нет. Когда ты ведёшь дело, интересы клиента тебе близки, они главные, но ты не должен их брать близко к сердцу. Нужно абстрагироваться при ведении дела. Поэтому, когда ты работаешь в суде, ты, как правило, ни с кем не враждуешь.

— Как вы находите клиентов?

— По-разному. Тут никогда не угадаешь. Когда я начал свою практику, я давал объявления в газете, они не работали. В коллегии я давал бесплатные консультации, но они тоже не работали. Люди приходили, а потом уходили к другим адвокатам, платили им за услугу, чтобы проверить, правду ли я говорю. Позднее мои коллеги, когда не хотели брать какие-нибудь дела, стали отдавать их мне. А я как стажёр имел право вести только гражданские дела. Так, постепенно мне коллеги стали доверять и передавать своих клиентов. Я считаю, что наши лучшие менеджеры — это наши коллеги! Лучшие

дела приходят именно от них. Сейчас эта схема также прекрасно работает. Мы периодически объединяемся с коллегами, вступаем в дела и стараемся по ним успешно работать. Вот сейчас я только приехал из Владимира, где мы с местными коллегами, а также адвокатами из Рязани и Костромы будем разбираться с очередным делом.

— *А часто вообще у вас бывают командировки или вы работаете в пределах Рязани и области?*

— Очень часто, особенно в последнее время. В Москву часто ездим, в Кострому, Владимир, даже в Ханты-Мансийск и Тюмень летали.

— *Возникают ли конфликтные ситуации с клиентами? Как мне кажется, ведя уголовные дела, этого не избежать.*

— С клиентами по уголовному праву конфликтов практически не бывает. Это, как правило, очень приличные люди. да-да, как бы странно это ни звучало. А вот в гражданских правоотношениях конфликты бывают очень часто — люди не довольны результатом, пытаются деньги вернуть. Был случай, когда на меня писали жалобу. Клиент тогда не выполнил мои прямые указания, и после этого получился не очень хороший результат по делу. В итоге он отказался вести со мной переговоры и мне пришлось договариваться уже с его мамой. Но это нормально. Все люди разные, и понимание у всех разное.

— *Чтобы читатели более полно представляли работу адвоката, опишите, пожалуйста, схему взаимодействия с клиентом.*

— Клиент приходит к адвокату с проблемой и излагает её суть. После чего адвокат предлагает ему какие-то пути её решения. Если они клиента устраивают, то он

заключает с адвокатом договор, в моём случае договор заключается с бюро. Далее адвокат начинает работать в рамках подписанного соглашения. По этому же соглашению происходит оплата труда адвоката.

— *Обязан ли адвокат, видя, что дело клиента бесперспективное, сразу сообщить ему об этом?*

— Конечно. Адвокат рассказывает клиенту своё видение ситуации. Если она совсем бесперспективная, надо сказать клиенту, что сотрудничество бессмысленно, и предложить ему варианты выхода из этой ситуации. А дальше клиент двигается уже с тобой или без тебя. Часто бывает так, что мы рекомендуем других адвокатов или находим наиболее оптимальное компромиссное решение даже в бесперспективных делах. В таких безвыходных ситуациях клиент просто меняет приоритет, меняется и сама цель запроса.

— *Пользуетесь ли вы в своей практике справочными правовыми системами и насколько они доступны для незрячих?*

— Раньше пользовался, сейчас в своей практике я пользуюсь интернетом. Это очень доступная и удобная вещь, я всем её советую. Основное преимущество электронных ресурсов интернета в том, что они бесплатные. Правовые системы всё-таки больше настроены на богатого пользователя — организации, какие-нибудь крупные юридические компании. Там это имеет смысл. Сейчас всё законодательство есть в открытом доступе. Зачем платить лишние деньги? Как говорится, «Яндекс» и «Гугл» вам в помощь!

— *Вы себя считаете успешным адвокатом?*

— Нет не считаю. Я просто не применяю к себе такие критерии. Я для себя вообще не ставлю задачу — быть

успешным. Я просто хочу быть адвокатом. Мне нравится эта работа. Для меня в работе всегда значение имеет конкретика, поэтому я могу рассматривать не абстрактную успешность, а конкретное дело: как ты его выиграл, почему ты закончил дело именно так, а не иначе.

— *На ваш взгляд, возможен ли карьерный рост для незрячего адвоката?*

— У адвокатов нет карьерного роста. Ты становишься адвокатом, и на этом твой карьерный рост в общем-то заканчивается. Просто ты развиваешься в рамках своей профессии, увлечений, гонораров, продвижения своего кабинета или офиса, обзаводишься партнёрами и клиентами. Это не как на государственной службе, где ты сначала работаешь на младшей должности, потом растёшь и растёшь согласно табелю о рангах.

— *Что бы вы посоветовали выпускникам школ-интернатов, студентам юридических вузов, мечтающих стать адвокатами? На что обращать внимание, какую литературу читать, на кого равняться и к чему себя готовить?*

— Ни на кого не равняться. Больше читать разной литературы, Поступить туда, куда собирался, закончить университет, причём не обязательно с красным дипломом. Не искать работу по какой-либо юридической специальности, чтобы отработать два года, а сразу пойти стажироваться к адвокату и через год самому им стать.

ВОСПОМИНАНИЯ ЧАСТИЧНО ВИДЯЩЕГО СПЕЦПОСЕЛЕНЦА

Недавно один молодой человек, услышав от меня слово «спецпоселение», попросил пояснить, что это такое. Тогда мне и пришла мысль, что пора рассказать, кто там жил и почему. А когда я узнал о смерти моего одноклассника, понял, что откладывать нельзя. Люди, знавшие последние годы правления Сталина, уходят. Скоро совсем не останется тех, кто мог бы сказать: «мой жизненный опыт указывает на то, что это не вполне нормальное явление могло случиться».

Когда я поступил в Грязовецкую школу для слепых детей Вологодской области, то узнал странную вещь: у всех в домашних адресах названия городов и деревень с номерами домов и квартир, а моё место жительства — Абонементный ящик 33 города Архангельска. Я думал, что живу в деревне Чекаминка, а оказалось в Абонементном ящике. Приученный не задавать лишних вопросов, хотя по природе и был любопытен, выяснять это я не стал.

Я понял всё уже после 1956 года уже в более старшем возрасте, дотошно расспросив родителей, односельчан и коменданта нашей деревни, который одновременно был и пожарным, и начальником радиоузла. Моим местом жительства было специальное поселение для высланных на Север в результате раскулачивания. Среди них были русские, мордва, татары, немцы, украинцы, евреи. Большинство были из Поволжья, как мои отец и отчим. Мать моя была из Вологодской области, оказа-

лась в Архангельске по вербовке для работы на железной дороге, но там что-то не получилось, и двадцатилетняя девушка пошла работать дояркой в спецпоселение, лишь бы найти работу.

Особой охраны у нашего спецпоселения не было. Оно находилось в восточной части острова Никольский в дельте Северной Двины. Его территория с южной и восточной сторон ограничивалась двумя рукавами дельты Двины — Мурманским и Корабельным. С запада оно примыкало к селу Красное, а в селе в ту пору чужака сразу выдадут. К северу вдоль Корабельного русла до самого Белого моря, километров 10 — 12 сёл больше не было, только болота и лесотундра. На правом берегу Корабельного русла напротив посёлка был лесозавод, а внизу, ближе к морю посёлок Конвейер, в котором находилась колония для молодых заключённых. Паспортов жители спецпоселения не имели. А куда без паспорта побежишь? Когда в 1954 году все жители получили паспорта, многие быстро покинули посёлок, в который были поселены насильно.

Жители спецпоселения были настоящими работягами, беспрекословно выполнявшими порученную работу. Не было среди них ни пьяниц, ни людей с криминальными наклонностями. В основном это были мужчины около тридцати лет и более и женщины приблизительно такого же возраста, много вдов, как правило, с несколькими детьми. Вопросы об отсутствии мужей не было принято выяснять. Народ в основном был неразговорчивый, лишнего слова не обронят. Ещё одна особенность — строгое отношение к рабочему времени: ни на минуту не опоздать. Помню, как отчим, придя на обед, следил за красным флагом на пожар-

ной каланче. Флаг опустился, надо спешно приступать к работе. Флаг поднялся — нерабочее время.

Про войну никто не вспоминал, героев не было. Возможно, что после войны часть мужчин просто не стала возвращаться в спецпоселение, чтобы получить гражданскую свободу. Мой отец, побывавший в плену, не подавал весточек о себе с августа 1942 до ноября 1945 года, когда написал матери и попросил её выслать какие-то документы. К тому времени она уже вторично вышла замуж. С отцом она брак не регистрировала.

В посёлке было много детей 1934-го года рождения и позже. Сначала учились в местной начальной школе, а потом в семилетке за Корабельным руслом. В навигацию в школу ехали утренним пароходом, а возвращались обеденным. Во время распутицы школьники расселялись по квартирам посёлка лесозавода, договаривались о жилье и плате за него родители. Зимой ходили пешком через Корабельное русло, километра три туда и обратно.

Когда мне исполнилось семь лет, мать меня привела к учителю начальных классов. Он отошёл на несколько шагов и стал меня спрашивать, сколько пальцев на руке он показывает. Так выяснилось, что учиться вместе со всеми я не могу — ни доски не увижу, ни букварь читать не смогу. Мать заявила, что коли так, пусть тогда сидит дома. И выслушала тираду: «Я тебе подержу дома. Для таких детей есть школы. Поезжай в область и узнавай. Если не определишь сына в школу для слепых, я тебя под суд отдам». Мать съездила, но ещё на год задержала своего сына дома, не стала отвозить в подготовительный класс. Сейчас родители могут воспротивиться и добиваться обучения слепого или слабовидящего ре-

бёнка в школе по месту жительства. Потребовать инклюзивного обучения. А тогда всё было просто — смотри не возникай!

Пароход ходил из Архангельска вниз по Мурманскому руслу в сторону моря до деревни Верхняя Чубола. Не могу удержаться и не рассказать касающуюся меня историю про пароход. Мне было года три-четыре, когда я летом оказался на пристани во время прихода парохода. «Семёрка», так прозывался пароход в народе, дымила и гудела. Мне вдруг показалось, что пароход движется прямо на меня. По-видимому, к той поре моё «одноглазое» зрение ещё не побудило мозг адаптироваться к монокулярности и у меня не было должного пространственного восприятия. Но испугался я очень сильно, даже закричал и заплакал. Кто-то из взрослых вовремя «спас меня от напасти».

Вообще, в спецпоселении я был единственным слепым человеком. Взрослые воспринимали меня в большинстве случаев абсолютно равнодушно, хотя каждый знал всех имеющихся жителей. Правда, если у меня был расстроенный вид, часто находились люди, стремящиеся мне помочь, как и в случае с пароходом. Мать же с раннего детства твердила мне, что я должен быть как все самостоятельным. Гордилась тем, что меня в три года не надо было одевать и завязывать мне шнурки. С этим справлялся сам. С гордостью рассказывала, как в этом возрасте я рассказывал наизусть стихотворение «Климу Ворошилову письмо я написал».

Дети спецпоселения иногда обзывали меня кривым и слепым, но здесь мать проводила какую-то работу с родителями и меня больше не дразнили. Чаще всего дети меня просто не замечали, потому что ни в прятки,

ни в лапту я играть не мог. Иногда брали с собой в лес по ягоды. Поставят около куста с ягодами, а я его на ощупь объедаю.

Правда, были и шутники, может, и беззлобные, просто не думающие о печальных последствиях. Один раз весной мне кто-то крикнул: «Толька, белька!». Так называли бодливую козу. Я рванул со страха вперёд и побежал по краю силосных ям. Где-то оступился и рухнул с высоты метра четыре в яму, заполненную талой водой и остатками силоса. Слава богу, устоял на ногах, но ноги вымокли выше колен. Мальчишки принесли лестницу и помогли выбраться. Когда пришёл домой, то получил порку ремнём — единственная, про которую помню. Когда лет через сорок поинтересовался у матери, за что она меня выпорола, получил ответ: «Да чтобы не лазил где не следовало».

Но всё же я стремился делать то же самое, что и дети с нормальным зрением. Однажды, прыгая с крыльца высотой два метра, я вывихнул руку. Её мне вправлял один костоправ, живший в селе Красное, мать возила меня к нему. В связи с этим вспоминается история, показывающая, что непосредственное моё окружение не рассматривало меня как человека, обиженного природой. Когда я лежал после вправления руки, к нам зашёл жених сестры матери и попросил поднять больную руку. Я приподнял и услышал: «Молодец, скоро снова с крыльца можно прыгать».

У родителей не было времени контролировать каждый мой шаг. Я самостоятельно знакомился с окружающим миром. Научился ездить верхом на лошади, лет с двенадцати катался на лодке по реке в одиночку. В эти же годы научился плавать и нырять с пристани. Ходил

в магазин, а в четырнадцать лет мама научила меня готовить. Варил супы и каши и с обязанностью повара справлялся довольно легко.

Но вернёмся к основной теме. Издавна наш посёлок назывался деревней Чекаминка, а по бумагам на этом месте числились два подсобных хозяйства, наименования которых менялись в зависимости от реорганизаций в правительстве. К 1947 году они назывались хозяйство МГБ и хозяйство МВД. Местом рождения детей записывался город Маймакса Архангельской области. Теперь города такого нет, Маймакса — центр самого большого девятого городского округа города Архангельска. Так что в моём паспорте неправильные данные о месте рождения, но это было сделано действующими в ту пору государственными органами — широкой огласке спецпоселения не подлежали, хотя в действительности существовали.

В 1934 году на пустовавшую восточную половину Никольского острова в дельте Северной Двины, в месте слияния Корабельного и Мурманского рукавов, высадили поселенцев со строгим наказом: здесь вы будите жить и работать, превратить не используемую никем землю в добротные хозяйства вам предстоит благородным трудом во имя процветания Родины.

Раскулаченные переселенцы корчевали кустарник, валили деревья, копали каналы для осушения болот, прокладывали деревянные мостовые для проезда телег, строили скотные дворы и другие хозяйственные постройки, постепенно обустроивали свою жизнь. Лес для строительства можно было ловить в реке, забирая брёвна, унесённые течением от распущенных плотов для лесозаводов и уплывающие в море по двум руслам —

восточному Корабельному и южному Мурманскому, да и организаторы поселения, по-видимому, поставляли стройматериалы из государственных запасов — надо было быстрее нетрудовой элемент заставить приносить пользу государству, выселившему их из благоустроенных собственных домов и согнавшего на пустующую скудную землю. Кстати, сенокосные угодья подсобных хозяйств находились на островах недалеко от Двинской крепости, построенной Петром Первым.

Очевидцем начала превращения болотистого пустыря в обихоженную землю с полями и сенокосами, хозяйственными и жилыми постройками, мостовыми для проезда возов и мостками для пешеходов я не был. Но ко времени моего осознанного восприятия окружающего мира в поселении были для каждого подсобного хозяйства свои постройки — два скотных двора, в каждом коровник и конюшня, два свинарника, две теплицы и два парника, два овощехранилища, два склада в одном здании, один маслозавод, один молоильный сарай, две железные ёмкости, могущие плавать, для хранения горючего, они размещались вне посёлка за силосными ямами. Силосные ямы тоже были для каждого хозяйства свои.

Хозяйства занимались мясо-молочным животноводством, сдавая продукцию каждое своему потребителю. Для коров и свиней заготавливали сено, силос, овёс, турнепс, горох. Для поставки в город выращивали картофель, капусту, репу, в тепличных хозяйствах — огурцы и помидоры. Труд только ручной, вилы, лопаты, грабли, косы — основные орудия труда. Только там, где лошади показывали большую производительность, использовали эту тяговую силу. Лошади таскали плуги и сенокосилки, на

телегах летом и санях зимой возили всё, что возможно. Во время посевной привлекали детей, они водили лошадей под уздцы, чтобы обеспечить прямую борозду или прохождение культиватора точно по междурядью.

Люди выполняли вручную все погрузо-разгрузочные работы, копали и кидали лопатами землю, выгребали навоз, вилами грузили на баржи и выгружали с них сено и так далее. Современному человеку это трудно представить, но, поверьте, это был тяжёлый ручной труд, причём в летнюю пору по двенадцать часов. Надо было использовать долгий летний день с белой ночью полностью, чтобы обеспечить нужные заготовки, а на заготовке сена ещё и использовать в полной мере погожие дни. Для корма скота из города привозили в мешках жмых, отруби, а мешочки были весом не менее пятидесяти килограмм, а с отрубями и побольше. Вручную же грузились на катера тридцативосьмилитровые бидоны молока, ящики и мешки с овощами, туши животных, отвозимые в город.

Если в государственных предприятиях уже в тридцатые годы использовались пресс-подборщики, собирающие сено в тюки, то в подсобных хозяйствах оно складывалось только в стога. Ну а для силоса косили траву на болотах и на местах отлива. Более месяца заготовщики силоса и те, кто его потом перевозил к силосным ямам, работали в резиновых сапогах. Эта же обувь была основной для доярок в летнюю пору. Они ходили пешком в любую погоду на место дойки за три километра три раза в день. Если молоко перевозили в телегах, то доярки ходили только пешком.

В жилой части поселения были кузница, пекарня, баня, начальная школа, ясли-сад, магазин и пожарное депо.

Магазин и пожарная часть в одном здании, перед ним мощённая деревом площадка. Чуть в стороне доски почёта с двумя рядами фотографий — для каждого хозяйства своя доска. Каждое утро на площадке собирались те, у кого не было постоянных рабочих мест.

Постоянные рабочие места имели комендант, доярки, два зоотехника, конюхи, водовозы, два кузнеца, свинарки, работники теплицы, пекарь, продавец, кладовщики, два завхоза, четыре бригадира, работники двух контор во главе с директорами в количестве двенадцати человек, медсестра и санитарка медпункта, учитель, работники яслей и детсада, два тракториста, по два рулевых и моториста для катеров. Остальное взрослое население, которое в годы наивысших трудовых достижений доходило до ста человек, получали задания на каждый трудовой день.

В посёлке были три барака и два двухэтажных дома, построенные в годы войны. Для семьи одна комната независимо от числа её членов, а нередко и для двух немногочисленных семей. В нашей комнате площадью двадцать один квадратный метр сначала жили две семьи по три человека, а с появлением у матери ещё двоих детей вторую семью куда-то переселили. С 1947 года к нам всегда подселялись один или несколько человек. Доживал свою жизнь отец отчима. Приезжали из родной деревни матери одна за другой её младшие сёстры и некоторое время жили у нас. Похоже, в вологодском колхозе жизнь была не слаще, чем в спецпоселении.

В комнате было две кровати — железный каркас с деревянными досками. Спали на матрасах, набитых соломой. Ежегодно солома менялась. Кто не спал на кровати, тот спал на полу. Естественно, мать с отчимом

на одной кровати, а дед с младшим братом на другой. Сестра в детской кроватке. Мне приходилось спать на полу, как приезжающему из интерната только на лето.

Почти на берегу реки находилась электростанция — генератор шкифом через ремённую передачу вращали трактора. В летнее время два с половиной месяца электростанция не работала — белые ночи, да и трактора были нужны на других работах. В тёмное время электростанция работала по определённому графику для помощи электричеством в хозяйственных работах — освещение помещений и для обеспечения работы радиоузла. Помню, что при пробуждении утром зимой часто горела керосиновая лампа. На тех широтах зимний день с половины одиннадцатого до четырнадцати тридцати. Позднее для питания радиоузла приспособили ветряной двигатель, за работой которого следил комендант. О просвещении народа Советская власть заботилась всегда. В посёлке поближе к жилым домам был установлен огромный динамик, который в народе называли ведром за его форму. Яркое воспоминание утра в детстве — на весь посёлок раздаётся песня «Где найдёшь страну на свете краше родины моей?». У всех в комнатах и бараках на стенах висели динамики с чёрными диффузорами без каких-либо корпусов со скрепляющей металлической дугой.

Все постройки соединялись мостовыми из кругляка — не очень толстых деревянных обрезков брёвен, которые называли баланами. Главная мостовая начиналась от пристани на Мурманском русле и заканчивалась у силосных ям. Другая мостовая шла почти вдоль этого русла на расстоянии метров тридцать от берега. Она была в основном «артерией» хозяйственных построек. Каж-

дое подсобное хозяйство имело по катеру и две высокие деревянные баржи. В баржах привозили при катерной тяге влажную траву для заготовки силоса. Катерами же во время навигации отвозили в Архангельск всю продукцию подсобных хозяйств. В самих хозяйствах ничего не продавали, тем более не раздавали. Каждое хозяйство сдавало сельхозпродукцию самостоятельно.

Рабочие имели право на участки земли под огороды — полторы сотки на человека. Появление очередного ребёнка сопровождалось выделением дополнительного участка. Огороды нашей семьи располагались в трёх местах, наш с матерью был на берегу Мурманского русла. Выращивали картофель, лук, редиску, капусту, иногда репу. Приятно было в белую ночь вытащить из земли луковицу, вытереть её о штаны и устроить луковую трапезу с горбушкой чёрного хлеба. Про инфекцию и не думали даже.

Поселенцы держали также кур, свиней и коз, позднее кое-кто и коров. Содержание каждого животного или птицы до начала пятидесятых годов облагалось налогом, иногда натуральным (сдавали государству яйца, шкуры, молоко). Мои родители держали кур, двух коз и поросёнка. Козы меня хорошо знали и помнили. Летом я их отводил на пастбище, а вечером вёл домой, они узнавали меня по голосу и подходили ко мне. В нашей семье корова появилась только в 1955 году, и тогда мы начали чувствовать себя нормальными людьми. Молока пили сколько хотели.

Круглосуточное снабжением электричеством в посёлке появилось только в конце 1950-х годов, когда два подсобных хозяйства превратились в отделение совхоза. К тому времени все семьи, которым было куда уехать,

покинули посёлок. Молодёжь уезжала жить и работать в Архангельск или устраивалась на судах рыболовного флота. Некоторые молодые люди получили среднее техническое и высшее образование и уезжали работать по месту распределения. Часть отслуживших в армии уже не возвращались в спецпоселение. А немногочисленные работники, не имеющие возможности его покинуть, превратились в рабочих и служащих давно существовавшего государственного совхоза, расположенного на множестве островов дельты Северной Двины.

Спецпоселение с тяжёлыми условиями работы существовало лет двадцать. А через сорок лет со времени его основания деревня исчезла — все перебрались на центральную усадьбу. Исчез посёлок, порождённый условиями режима с использованием максимально дешёвой рабочей силы. На его месте после пожара 2011 года — буйная растительность, напоминающая тот пустырь, который был на этом месте до появления спецпоселенцев. Природа оказалась сильнее людей, и всё вернулось «на круги своя». А сколько таких посёлков и деревень, где работали сосланные спецпоселенцы, было по всей России? Фактическая эксплуатация государством лучшей части трудового крестьянства в 1929 — 1954 годах прекратилась после отмены репрессивных методов превращения тружеников деревни в бесправных эксплуатируемых государством людей.

Деревня Чекаминка до сих пор числится в Пустошинском сельском поселении Приморского района Архангельской области, хотя на её месте гуляет ветер, который в летнее время колышет густые травы и заросли ивняка там, где когда-то были жилые дома и хозяйствен-

ные постройки двух подсобных хозяйств, подчинённых Министерству государственной безопасности и Министерству внутренних дел СССР. Снова возродившиеся болота и густая растительность на возвышенных местах даже не напоминают о двадцати годах тяжёлого физического труда спецпоселенцев. Память о подневольных тружениках, изгнанных властью из родных мест, былём поросла, как и исчез режим, породивший два подсобных хозяйства на когда-то заболоченной земле.

ЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ УСПЕХА

Жизнь каждого человека — это зеркало эпохи, в которой суждено было родиться и прошагать по её вехам, пережив вместе с ней все выпавшие на неё крутые перемены в укладе жизни, а быть может, застрять в её дебрях и изломах. Есть люди, которые на слуху, есть те, про которых мы знаем благодаря скандалам или иным, привлекающим внимание поступкам. А есть такие личности, судьба которых спрятана в делах на благо Отечества. Их имена скромно разместились в исторических документах, музейных архивах, воспоминаниях современников и семейных преданиях. Стоит порой обратиться к истории их жизни, чтобы ответить себе на вопрос: как прожить жизнь с пользой, чтобы потом не было мучительно стыдно за бесцельно потраченную жизнь? Пример такой судьбы — жизнь Христофора Семёновича Леденцова, видного предпринимателя и мецената, который выбрал целью жизни — служение во благо развития русской науки.

Христофор Семёнович Леденцов родился в 1842 году в семье вологодского купца первой гильдии. Старейший купеческий род уходил своими корнями в петровскую эпоху. По одной из версий основатель династии Иван Леденцов торговал сладостями. Однако по словам Николая Леденцова, правнука будущего благотворителя, их род издревле вёл торговлю по древнему пути «из варяг в греки», а фамилия происходит от слова «лёд, ледяной». Отец Христофора Леденцова скопил и преумножил состояние своих предков. Он был судовладельцем,

промышленником, держал меховой магазин, занимался перевозкой товаров по рекам Вологде и Сухоне. Среди вологодского купечества пользовался самой положительной репутацией, его не раз избирали городским головой. Семён Леденцов был образованным человеком и того же желал своим детям.

В 1860 году Христофор окончил Вологодскую губернскую гимназию и поступил в Московскую практическую Академию коммерческих наук, которую окончил в 1862 году с похвальным листом. Похвальный лист давал право на личное звание Почётного гражданина. Энергичный, целеустремлённый и предприимчивый Христофор Леденцов вернулся в родной город. Молодой человек пошёл по стопам своего отца, он стремился сохранить и преумножить семейный капитал. Его цели были благородные, справедливые и новаторские. Он придерживался принципа — «минимум расходов на себя — максимум на общество».

Леденцов много путешествовал по странам Европы, интересовался науками, новаторскими идеями, организацией различных производств. Собранная им библиотека насчитывала несколько тысяч томов научной и технической литературы, было много книг на иностранных языках, он знал восемь языков. Молодой купец предпринимал попытку продолжить обучение в Кембридже, однако семейные обстоятельства не позволили ему продолжить обучение в Европе. Вскоре Леденцов женился на Серафиме Николаевне Белозёровой, породнившись с известным вологодским купеческим родом.

Семья Христофора Леденцова не знала роскоши и расточительства. Деньги тратились разумно и на благие дела. Христофор Леденцов смог преумножить со-

стояние своего отца. Он качественно наладил торговое дело, имел земельные владения, винокуренный завод, доходные дома в Петербурге и Вологде и несколько имений — в Сыромятниках, на Сходне, под Звенигородом. Леденцов стал одним из самых богатых представителей купеческого сословия. Немалую прибыль приносила торговля, а впоследствии и акции железных дорог.

Уже с молодых лет Леденцов не скупился на благотворительность. Он помогал гимназистам и ученикам училищ; выстроил школу в Рязанской губернии; на собственные средства открыл в Вологде богадельню для престарелых, считавшуюся лучшей в стране; регулярно перечислял денежные средства в лечебные учреждения. В 1870 — 1880-х годах Христофор Семёнович — один из заметных общественных деятелей губернского города Вологды. Он избирается городским головой, мировым судьёй округа, членом учредительного комитета Вологодского отделения государственного банка.

Вологжане постоянно обращались к Леденцову со своими проблемами, они доверяли образованному и справедливому общественному деятелю. На посту главы города он трудился по 15 часов, его день был расписан по минутам, но он всегда находил время для заботы о благополучии простого народа: посещал семьи, потерявшие кормильца, навещал тяжелобольных и находил для нуждающихся финансовую помощь.

Для искоренения ростовщичества в свою бытность вологодским городским головой Леденцов учредил на свои деньги первый в России государственный ломбард, чрезвычайно популярный среди бедноты. «Учреждение ломбарда имело бы своей задачей если не уничтожить,

то, по крайней мере, уменьшить ростовщичество, достигшее у нас громадных размеров...» — заявил Леденцов в Думе. В казне не нашлось средств на организацию ломбарда, и глава города пожертвовал на эти цели своё жалованье градоначальника за весь срок службы, а это более 6 000 рублей. Первыми клиентами ломбарда стали бедняки и крестьяне. А впоследствии такие заведения стали появляться по всей стране. Каждый операционный день в ломбард обращалось до 500 человек. Устав ломбарда стал образцом при создании ломбардов в других городах России. В этой акции проявилась характерная для Леденцова черта — он всегда точно знал, кому и сколько дать денег.

В середине 1890-х годов, после смерти жены, Леденцов переезжает в Москву. Здесь благотворительная деятельность Х. С. Леденцова получает новое направление. «Я не хочу дела благотворения, исцеляющего язвы людей, случайно опрокинутых жизнью, — заявил Христофор Семенович, — я ищу дела, которое должно коснуться самого корня человеческого благополучия». Он прекрасно понимал всю губительность технического отставания Российской империи, необходимость повышения производительности и улучшения условий труда и всегда по-особенному, даже трепетно относился к отечественной науке, мечтал о её процветании. Но о каком расцвете можно говорить, когда материально так недостаточно обеспечивался творческий труд русских учёных, инженеров, изобретателей. Всё чаще Христофора Семёновича посещает мысль о том, что он «должен послужить их делу». И он делает первый шаг на этом пути — становится одним из инициаторов создания Музея содействия труду, который будет помогать

продвижению в жизнь изобретений русских учёных. В 1900 году при Московском отделении Императорского русского технического общества такой музей появился. Леденцов передал на эти цели 50 тысяч рублей. Музей демонстрировал экспозиции технических достижений, работал над улучшением условий труда рабочих, став впоследствии базой для будущего пофсоюзного движения России.

По инициативе Леденцова впервые в истории империи была основана система учреждений по охране труда, пенсионных касс, потребительских обществ. При участии музея в России в 1904 году появились первые коллективные договоры между хозяевами предприятий и рабочими. Христофор Семенович активно способствовал созданию первых профсоюзных организаций в России. В законодательстве Российской империи того времени отсутствовало положение о профессиональных союзах. Осенью 1905 года в помещении музея прошла первая Всероссийская конференция неофициальных рабочих объединений. Вскоре Высочайший Манифест 17 октября 1905 года узаконил организацию профсоюзов в России.

Став почётным членом и председателем правления Московского отделения Императорского русского технического общества, Х.С. Леденцов сближается с профессорами С.А. Федоровым, директором Московского технического училища, будущего МВТУ им. Баумана, физиком-теоретиком Н.А. Умовым, естествоиспытателем К.А. Тимирязевым и другими. Христофор Семёнович всё больше погружался в нюансы отечественной науки, и его всё больше увлекала мысль о помощи русскому учёному сообществу. Леденцов понимал, что новые от-

крытия и изобретения невозможны без внушительных финансовых вложений, а отсутствие средств лишь тормозит развитие науки. Поэтому меценат решил выделить на эти цели часть своего капитала.

Но как определить ценность исследования, его самостоятельность, новизну, актуальность? В какой форме должен работать разумный механизм помощи? Тогда-то и возникает идея создать общество, которое Х.С. Леденцов называет несколько старомодно: «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений». Цели и задачи, стоящие перед обществом, вполне отражает девиз его создателя — «Наука. Труд. Любовь. Довольство». Ещё в апреле 1897 года Христофор Семёнович пишет в записке, озаглавленной «Нечто вроде завещания»: «Я бы желал, чтобы не позднее трёх лет после моей смерти было организовано Общество (если к тому времени такового еще не будет существовать). Я ищу дело, которое должно коснуться самого корня человеческого благополучия».

Общество решено было организовать при Императорском московском университете и Императорском московском техническом училище. Его устав вместе с Х.С. Леденцовым продумывали крупнейшие учёные того времени: профессора А. А. Тихомиров (ректор Московского университета), Н.А. Федоров (директор Московского технического училища) и Н.А. Умов (президент Московского общества испытателей природы). Именно Умов горячо поддержал намерения Леденцова, а когда Христофора Семёновича не стало, он продолжил дело создания общества, развивая замыслы его основателя.

Лишь 24 февраля 1909 года министр народного просвещения утвердил устав общества. Леденцов не до-

жил до этого дня. 31 марта 1907 года он умер в Женеве, где около двух лет лечился от туберкулеза лёгких. По духовному завещанию, составленному за четыре года до смерти, все его движимое и недвижимое имущество переходило в собственность Московского университета и Московского технического училища, а после реализации и обращения в государственные или правительственные гарантированные бумаги организовывался специальный фонд его имени. Х.С. Леденцов пожертвовал значительный капитал — более миллиона рублей, ежегодный доход от которого и поступал на цели общества.

В завещании указывалось, что пособия из фонда следует предоставлять прежде всего «тем открытиям и изобретениям, которые при наименьшей затрате капитала могли бы принести возможно большую пользу для большинства населения, причём эти пособия должны содействовать проведению в жизнь упомянутых открытий и изобретений, а не следовать за ними в виде премий, субсидий, медалей и тому подобного...» Средства следовало расходовать на постановку опытов, их проверку, приобретение материалов, командировки.

Как выглядела деятельность общества на практике? Главным в его работе стала непосредственная индивидуальная помощь учёному и изобретателю. Для экспертных оценок той или иной работы, требующей поддержки, общество привлекло лаборатории, опытные станции и предприятия. Заявления о субсидиях рассматривались быстро и демократично. В течение месяца экспертная комиссия представляла своё заключение, а совет принимал окончательное решение. Лицо, получившее субсидию, через установленный срок дол-

жно было отчитаться о том, как израсходованы полученные средства. Критерии экспертиз были очень высокими: из 130 заявок, поданных в 1909 году, эксперты отобрали только 13.

Общество выделяло значительные средства не только начинающим учёным, но и уже известным исследователям. Физиолог И.П. Павлов в 1910 году получил 50 тысяч рублей на устройство лаборатории по изучению высшей нервной деятельности (кстати, за это совету общества выразил благодарность не только попечитель Института экспериментальной медицины принц А.П. Ольденбургский, но и сам император).

Н.Е. Жуковскому в том же году выделили 2,5 тысячи рублей на работы в аэродинамической лаборатории Московского университета, где в это время устанавливали компрессор. Физика П. Н. Лебедеву в следующем году предоставили 15 тысяч рублей на устройство и оборудование физической лаборатории.

А вот примеры иного рода. Студент Московского технического училища Л.Я. Карпов, блестяще защитивший в 1910 году дипломную работу «Об окислении этилового спирта в присутствии катализатора», решил использовать новую технологию в производственных масштабах. Он обратился в общество, изложив смысл найденного им дешёвого способа получения уксусной кислоты. Совет принял решение выдать ему шестимесячное пособие и средства для проведения исследований и не ошибся: профессор Л. Я. Карпов стал первым советским организатором и руководителем химической промышленности.

С началом Первой мировой войны совет общества всё своё внимание отдавал изобретениям, связанным с про-

блемами военного времени. Значительная часть средств шла для проведения исследований и изготовления остродефицитных медикаментов, например морфия и кодеина. Субсидировались и проводимые в 1916 — 1917 годах опыты по получению новокаина в Московском сельскохозяйственном институте. Однако в строгом соответствии с уставом общество не рассматривало заявки на изобретение военной техники.

«Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений», созданное на средства Х. С. Леденцова, просуществовало недолго — с 1909 по 1918 годы. Однако его прогрессивную роль в судьбе отечественной науки трудно переоценить. К 1917 году организация имела лучшую библиотеку в Москве, издавала собственный журнал, в состав «Общества» входили 295 действительных и почётных членов, имелся бюджет в 94 тысячи рублей и 9 экспертных комиссий.

После 1917 года ресурсами «Общества» воспользовался народный комиссариат военных дел, а на основе патентного отдела организации в 1918 года было создано патентное бюро, положившее начало патентоведению в советские времена. В сентябре 1918 года, по распоряжению В. И. Ленина «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений» закрывается, а его капиталы и имущество — национализируются. Закончила существование организация, аналогов которой не было ни в России, ни за рубежом.

Христофора Семёновича Леденцова называли «русским Нобелем», но его принципиальным отличием было то, что средства свои он вкладывал не в награды, медали и почётные грамоты, а в теоретическое и практичес-

кое развитие науки. Видный представитель династии вологодского купечества; просвещённый меценат, для которого благотворительность была не имиджевым поступком, а проявлением чувства справедливости и душевного милосердия, он опережал своё время. Христофор Леденцов, так много сделавший для своей страны и русской науки, сегодня незаслуженно забыт, хотя таких людей следует помнить, хотя бы как пример сильной и незаурядной личности.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Уже много лет ей снился один и тот же сон. Будто стоит она на высоком холме и смотрит вниз. Её чуть трясёт от озноба, ветер мокрой холодной лапой гладит плечи. Страшно. Но она не может двинуться с места, ни вздохнуть, ни крикнуть. Она смотрит вниз, туда, где под чужим ей небом, в дыму и пламени идёт бой. Вздрагивает от каждого взрыва снаряда, крепко стискивает руки, хочет и одновременно до дрожи боится зажмуриться. Потому что знает — там, в этом аду, в смешении жизни и смерти, невидимый в куче металла и человеческих тел — он. Тот, ради которого она здесь. Тот, которого до сих пор ждёт. Тот, в надежде увидеть которого, она и стоит здесь.

От очередного свиста снаряда сердце сжалось в комок и ухнуло вниз. Левую сторону груди пронзила боль. Чуть не подавившись воздухом, Евгения Васильевна открыла глаза. И сразу навалилась тишина, которая и должна была быть в квартире одинокой пенсионерки, да ещё и в пять утра. Сердечные таблетки лежали на тумбочке, там же стоял стакан воды. С трудом дотянувшись дрожащей рукой до тумбочки, Евгения Васильевна неловко двинула стакан, и он глухо брякнул об пол.

— Старая дура, — пробормотала женщина с досадой. — Не разбила, и то хорошо.

Таблетку пришлось глотать не запивая. Ощувив на языке неприятный привкус, Евгения Васильевна поморщилась. Иногда она думала, что напрасно мучается. Успокоилась бы, не боролась, закрыла бы глаза да по-

терпела бы, пока невыносимо острая боль, терзающая грудь, сменится тёмной тишиной. Она уже достаточно пожила, пора и честь знать. Но глупое упрямство заставляло цепляться за каждый рассвет, вставать по утрам, пить таблетки, передвигать непослушные больные ноги, мучиться и всё равно бороться за каждый день.

Боль потихоньку отпускала. Евгения Васильевна бездумно рассматривала потолок, соображая, чем заняться сегодня. Подруг давно у неё не осталось, мало кто доживает до её лет. Родственники далеко, на другом конце города. Можно, конечно, позвонить и попросить приехать, да только зачем? У них свои дела, своя жизнь, и не очень-то нужна им больная старуха. По телевизору смотреть нечего, не понимала и не любила она нынешних передач, а читать — глаза давно не те. Вот разве с соседской девчонкой поболтать. Хорошая девочка, добрая и чем-то напоминает саму Евгению Васильевну в юности. Не любила она высказываний о том, что молодёжь нынче плохая, испорченная. Молодёжь всегда одинаковая, любопытная, исследующая жизнь на вкус, живая. Юность только ей достаётся разная. Кому, как соседке, интернет и дискотеки, кому, как ей самой, работа на заводе в тылу и сводки с фронта.

Она наконец добрела до кухни, заварила чай и села с чашкой за стол у окна, наблюдая, как над крышами занимается утро. Ещё один день. Они у неё теперь как монетки, ценные, наперечёт. Каждый может оказаться последним, переполнив собой копилку прожитых лет.

Женщина не заметила, сколько так просидела, из забытья её вывел резкий звук. Телефон. Старенький, ещё с диском, который нужно крутить, набирая номер, и дребезжащим звонком. Родня пыталась и мобильный

ей купить, и этот аппарат поменять на современный. Ну зачем ей это? И запоминать, как новыми устройствами пользоваться, тяжело, да и милее старый привычный телефон. Друг, товарищ прожитых лет. С ним веселее. И слышно его хорошо, а в её годы это важно.

— Кто бы это? — пробормотала она сама себе, с кряхтением поднимаясь со стула. Глянула на часы. Девять. А кажется, только-только пять было. Трудно в старости успевать за временем, оно быстрее двигается, чем ты.

— Алло, — сказала она в трубку.

— Можно услышать Иванову Евгению Васильевну?

— Здравствуйте. Можно. Это я.

Голос был незнакомый. Но что-то заставило Евгению Васильевну вслушаться, покрепче прижать трубку к уху.

— Здравствуйте, — сказала женщина. — Евгения Васильевна, я из поискового отряда нашего города. Тут такое дело... — Она как-то замялась, потом ещё более неуверенно добавила: — Вы только не волнуйтесь. Скажите, пожалуйста, знали ли вы Никодимова Александра Николаевича, двадцать четвёртого года рождения?

Сердце, словно в том самом сне, сжалось, а затем ухнуло куда-то вниз, больно ударяясь в полёте об ребра. Чувствуя, как резко холодеют руки, Евгения Васильевна почти упала на стул возле телефона и смогла лишь выдохнуть:

— Вы нашли его?

— Нашли, — сказала женщина.

— Где?

Голос не слушался. По щекам текли слёзы, а сердце болело всё сильнее. «Надо бы таблетку», — мелькнуло в голове, но Евгения Васильевна тут же с неожиданной

злостью оборвала себя: потом таблетки, потерпит сердце. Она этого звонка ждала столько лет.

— На Смоленщине.

Женщина говорила с явным сочувствием, видно, не первый раз ей приходится сообщать такие новости. После некоторой паузы она предложила:

— Давайте мы приедем и всё вам расскажем. Ну, или вы к нам.

«Нет уж, — подумала Евгения Васильевна. — Я теперь и из подъезда-то не смогу выйти без помощи, ноги не удержат».

— Приезжайте, — сказала она. И, не удержавшись, шёпотом попросила: — Только побыстрее, пожалуйста.

Поисковики не подвели. Не прошло и часа, как та самая женщина и молодой парнишка в очках уже сидели на кухне у Евгении Васильевны, разложив на столе какие-то бумаги.

— С нами связались наши коллеги из Смоленска, — рассказывала женщина.

От волнения Евгения Васильевна никак не могла вспомнить, как её зовут, хотя собеседница и представлялась. Парень же вообще старался слиться со стеной и привлекать как можно меньше внимания. Ему было неловко смотреть на растерянную, вытирающую глаза старую женщину и не знать, чем помочь. А чем тут поможешь?

— К великому сожалению, отыскать кого-либо из живых, помнящих Александра Николаевича в лицо родственников, не удалось. Только племянница. Но она родилась уже после войны и никогда его не видела.

— Племянница, — эхом повторила Евгения Васильевна. — Помню, да, был у Саши брат. Ему лет семь было, когда Саша на фронт уходил.

— Восемь, — поправила женщина. — Виктор Николаевич Никодимов.

— Да-да, Витя.

Голос прерывался. Пришлось встать и дрожащими руками налить себе воды. И сунуть-таки в рот ненавистную таблетку. Под внимательными взглядами гостей Евгения Васильевна села на место и продолжила уже более ровным тоном:

— Когда Саша уехал, я часто бывала дома у его матери и братишки. Она вдовой была, тяжело приходилось. Когда у нас в городе завод запустили для нужд фронта, мы с ней туда работать вместе пошли. А Витя, помню, матери обеды носил. То хлеба, то картошину варёную.

Её слушали, не перебивая. Наверняка всё это было поисковикам давно известно, ведь существовали архивы, кто где родился, чем занимался и когда умер — это не было тайной. Но слова сами лились, словно не Евгения Васильевна это говорила, а семнадцатилетняя Женя, растворившаяся в метели фронтовых лет, угасшая, как огонёк свечи под холодным ветром тыловых будней и бесконечного страха. Страх услышать завтрашнюю сводку, страха проснуться ночью от воя соседки, получившей похоронку, и страха обнаружить такую же в своём почтовом ящике. Страх не проснуться утром или упасть замертво вечером у станка на заводе.

— Она умерла в сорок четвёртом, — продолжила Евгения Васильевна после паузы. — Нашлась дальняя родня, Витю забрали. Больше мы и не встречались.

— Он вас очень хорошо помнил, — сказала женщина. — Его дочь, Мария Викторовна, нашла несколько его писем своей жене. Он помнил ваше имя, помнил,

что у вас были длинные волосы. Помнил, что вы работали с его матерью. И как помогали им, и как вместе читали письма от его старшего брата.

— Читали, — эхом повторила Евгения Васильевна. — Было дело.

Она прибежала в маленькую комнатку в бараке, как только узнавала о новой весточке от Саши. Знала — без неё не вскрыют. Садилась за стол, Женя разворачивала серый треугольник и первым делом убеждалась — письмо написано родным, знакомым почерком. А потом начинала вслух читать. Сашина мама незаметно утирала слёзы и осторожно трогала краешек письма. Знала, что его касались руки сына. «Господи, да она почти вполнину младше меня была тогда», — подумалось вдруг Евгении Васильевне. И Витька малец совсем был. Вихрастый, глаза на пол-лица. А ведь этот мальчик уже умер. А я всё живу.

— Мария Викторовна сейчас живёт в Москве. Она хотела бы поехать на могилу дяди вместе с вами, — сказала гостя. — Если вы, конечно, сможете поехать.

Евгения Васильевна посмотрела на неё с неподдельным удивлением:

— Как же это я не поеду? О чём вы?

Её собеседница улыбнулась грустно и понимающе.

— Знаю. Я так, на всякий случай, спросила. Никто на моей памяти ещё ни разу в такой ситуации не отказался.

Проводить гостей Евгения Васильевна вышла из подъезда. Понимала, что не усидит сейчас дома. Не хватало воздуха. Поисковики взяли телефон её родственников, чтобы решить с ними все организационные вопросы, обещали на днях позвонить и сообщить, на какую

дату купят билеты. Ехать хотелось немедленно, прямо сейчас.

Под натиском нетерпения оказаться там, рядом с Сашей, отступали и усталость, и старческие хвори, и страх перед дорогой. Её спрашивали насчёт сопровождения. Она сказала, что поедет одна. Нет, родня бы её не бросила, кто-нибудь бы помог, съездил, но... Евгении Васильевне не хотелось в пути ничьего присутствия рядом. С любым человеком придётся разговаривать, а ей нужна была тишина. Внутри сплёлся хрупкий кокон надежды, нежности и облегчения пополам с болью. Таким не получится делиться. Евгения Васильевна должна была поехать одна.

Распрощавшись с поисковиками, она обессиленно присела на лавочку у подъезда. Было холодно. Суровые края, где зима наступает рано, а весна поздно. Евгения Васильевна сидела, сложив руки на коленях и глядя куда-то вдаль. Её снова затягивало в омут воспоминаний, зыбкий, туманный, призрачный. Что-то много в последние часы воспоминаний.

— Бабушка Женя, а чего вы здесь сидите?

Звонкий голосок заставил поднять глаза. У лавочки стояла та самая соседская девчонка, о которой она вспоминала утром. Зелёные глаза в яркой подводке, шарф до самого носа при распахнутой куртке, рюкзак на плече. Из школы возвращается, не иначе.

— Так чего вы здесь сидите, бабушка Женя? — снова спросила девочка, и Евгения Васильевна поняла, что до сих пор ничего не ответила. Сидела и молча смотрела на стоящую перед ней олицетворённую юность. Сердце вдруг обдало неожиданной тёплой волной. Бабушка.

Мягкое слово, ластящееся к душе, особенно когда своих внуков нет. Пусть хоть не родная, а так назовёт.

— Помочь вам домой дойти?

Теперь уже в голосе девочки звучало беспокойство. Евгения Васильевна улыбнулась и покачала головой:

— Не надо, Вика. Всё хорошо. Посиди со мной минутку.

Девочка послушно присела рядом, помолчала немножко, а потом спросила:

— А что это за люди были? Вы квартиру, что ли, продаете?

Удивившись странному предположению, женщина снова качнула головой:

— Нет. Не продаю. Мне отсюда, если уж и выезжать, то напрямиком на кладбище.

— А кто тогда?

— Эти люди, — медленно сказала Евгения Васильевна, — принесли мне весточку от очень дорогого мне человека.

— Письмо, что ли? Так вроде у нас другой почтальон был.

Вика не понимала. «Как хорошо, — вдруг подумала Евгения Васильевна, — как замечательно, что ты не понимаешь. Не дай тебе бог понять, как можно семьдесят лет ждать вестей от человека».

— Не письмо. — Она потёрла озябшие руки. Помолчала. Вика ждала. — Понимаешь... — Женщине хотелось подобрать самые правильные слова, чтобы девочка её поняла. — Тебе сейчас сколько? Четырнадцать?

— Пятнадцать, — недоумённо поправила Вика.

— Когда я была чуть постарше тебя, у меня был жених.

— Жених?

Вика широко раскрыла глаза. Что именно показалось ей таким удивительным — наличие жениха у старой соседки или желание той о нём поговорить? Евгения Васильевна усмехнулась.

— Жених, — повторила она. — Мы с ним в одном классе учились. Ну, когда учились, он ещё не был моим женихом. А вот сразу после выпускного, на следующий день и стал.

— А потом? Вы поженились?

— А потом он ушёл на фронт. Добровольцем, — сказала Евгения. — Два года писал он. А потом написали за него. Мол, пропал без вести ваш жених. Вот так и закончилось всё.

— И всё?

Тон у Вики был недоверчивым и разочарованным. Ей явно хотелось тайн, страстей и неземной любви. Любви. Да была ли она вообще? У молоденьких парня и девушки, полных планов и ожиданий счастья и предвкушения новой жизни. Была влюбленность, были смущённые взгляды и нарочитая небрежность. Была ночь выпускного. Парни в костюмах, девочки в цветастых платьях, смех и звонкие молодые голоса. Радостные, опьянённые непривычным чувством взрослости, они гуляли по набережной, читали вслух стихи, планировали, кто куда дальше пойдёт учиться. К полуночи ветер стал холодным, и Женя, вдруг озябнув, обхватила себя руками за плечи. И тут же на них лёг Витин пиджак. И не было ни одного слова, и не нужны были слова. Только переполняющее через край счастье с привкусом лёгкого стыда и страха — ой, что же я делаю? А ну как кто увидит?

И было утро, когда, проснувшись, выпускники узнали, что привычная и распланированная на завтра жизнь

закончилась. Рухнула. И непонятно стало, что делать с её обломками дальше. Женина тётка тихонько вытирала слёзы, ожесточённо намывая пол. Женя её понимала. Немолодая женщина уже знала, что такое война, и не одна. И наголодаться успела, и по городам и весям ноги потоптать, и на голой земле поспать, и родителей потерять, и овдоветь. Давно уже они одни с племяншкой остались. И теперь читались в глазах тётки страх и злость на горькую судьбу.

В занавешенное окошко глухо стукнул камешек. Женя с тёткой одновременно вздрогнули, но ни одна не подошла, не глянула, кто там.

— Иди, — сказала тётка через минуту. — Это тебя.

И ни тебе упрёков, ни сурового: «Не пущу». Не до того было.

У крыльца стоял Саша. Встрёпанный, напряжённый, он подался вперёд, увидев Женю, потом замер, неловко откашлялся и предложил:

— Пойдём прогуляемся?

Она пожала плечами. Зашагали вдоль улочки. Ещё вчера Женя боялась бы чужих глаз, сегодня было уже всё равно. Внутри дрожало перепуганным зайцем предчувствие беды.

— Я на фронт иду, — сказал Саша. — В военкомат с утра ходил.

— Как на фронт?

Женя растерялась. Она понимала, что начнётся мобилизация, что мужчины пойдут воевать, но то другие, взрослые, сильные. Не Саша.

— А так, — отрезал он.

— Тебе же ещё восемнадцать нет, не возьмут.

Саша помолчал, потом глухо сказал:

— Мы с Петькой и Мишкой решили, припишем себе по году, вдруг не заметят. Не заметили. Там не мы одни такие. Видели парней и из других школ.

Жене нечего было сказать. Вот и молчала, чувствуя, как затапливает душу чёрный беспросветный холод.

Саша вдруг остановился, развернулся к ней и сказал:

— Ты только пойми. Как я по-другому? Кто я буду, если не пойду? Нельзя так, не могу.

— Понимаю, — отозвалась Женя. А в голове мелькнуло: «А кто же я буду, если начну плакать и просить остаться?»

— Я чего пришёл-то, — помолчав, сказал Саша. Впервые взял Женю за руку тепло, невесомо и очень бережно. Посмотрел в глаза. Может, и не будет другого случая... Он замялся, потом резко, как в воду прыгая, спросил:

— Как вернусь, выйдешь за меня замуж?

Женя смотрела ему в глаза, голубые, красивые, родные глаза. И понимала, что вот в этот миг решается её судьба. И если сейчас она не согласится, то всё пойдёт неправильно, не так.

— Выйду, — ответила она.

Тёплое июньское утро таяло перед глазами Евгении Васильевны, сменяясь серым осенним днём. Таяло время, как снежинки на ладони. Таяла и исчезала юная решительная Женя, оставалась старуха на лавочке у подъезда. Евгения Васильевна вздохнула.

— Он погиб, да? — сочувственно спросила Вика.

— Как оказалось, да. На Смоленщине.

— А это где?

«Чему вас в школе учат?» — усмехнулась про себя Евгения Васильевна. А вслух ответила: — Это далеко, очень далеко.

— Вам, наверное, хочется побывать у него?

В голосе девочки звучало искренне сочувствие и какая-то недетская проницательность.

— Вот и поеду. Затем гости ко мне и приходили.

— Как же вы поедете, вы же еле вниз, на улицу спускаетесь? — выпалила Вика. И тут же смутилась. — Ой, извините. Я не про то, что вы старая, то есть...

Она окончательно запуталась и умолкла. Евгения Васильевна улыбнулась, глядя на её растерянное лицо:

— Так то вниз. А как не поехать к тому, которого ждала столько лет?

— А все говорят, что в таком возрасте серьёзно любить нельзя. — Вика поморщилась, явно цитируя кого-то из взрослых. И с уважением глянула на Евгению Васильевну. — А вы вон как. Круто.

— Круто, — покорно согласилась та, вставая. Ноги совсем замёрзли, колени ломило. Пора было возвращаться домой. — Только мы другие были, деточка. И жизнь другая. Каждый день, как последний. Нужно было успеть и пожить, и полюбить, и умереть за Родину. Вот и торопились.

Не прощаясь, она ещё раз улыбнулась задумчиво глядящей на неё Вике и медленно зашагала к подъезду.

Одну её, конечно, никто не отпустил. Если от присутствия родственников удалось отказаться, то уже общавшаяся с Евгенией Васильевной женщина-поисковик настояла на том, чтобы ехать с ней. Ох, так и не запомнилось её имя. Неудобно-то как.

Поезд стучал колёсами день за днём. Мимо окон проносился немалый кусок России. Евгения Васильевна подолгу смотрела в окно, видя внутренним взором, как

шагают по этим полям и перелескам солдаты, как катятся по этим рельсам теплушки с людьми. Так же по этим дорогам, может, шёл, а может, ехал Саша. А спустя годы едет она. Догоняет и никак не догонит.

Через два дня была Москва. На вокзале их встретила Мария Викторовна, просто Маша, как она тут же назвалась. После секундной паузы обняла Евгению Васильевну, заглянула в глаза.

— Хорошо, что мы встретились, — сказала она. — И хорошо, что дядя нашёлся. Лучше знать, где его могила, чем не знать вообще ничего.

Нельзя было не согласиться.

Дальнейший путь проделали на машине. Машин муж, грузный мужчина лет шестидесяти, вёл её аккуратно, выбирая дорогу поровнее. А Евгению Васильевну всё больше охватывало нетерпение. То знакомое, но давно забытое, с которым она ждала каждого Сашиного письма, с которым жила первые два года войны. Вот-вот, ну вот-вот же. Напишет, приедет. Войдёт в дом, обнимет и всё, больше ничего не будет важно. Она вглядывалась в серое небо за окном и ждала: вот-вот, ещё пара десятков километров, и они наконец встретятся. И не станет войны, смерти, прожитых лет и пролитых слёз. Ничего не станет. И всё будет хорошо.

Большая гранитная плита появилась внезапно. Машина свернула с главной дороги и мягко затормозила.

— Приехали, — сказала Маша.

Её голос звучал неуверенно и как-то испуганно, как у маленькой девочки. Она, словно ожидая разрешения, покосилась на Евгению Васильевну. А та сидела и молча смотрела на серый камень могильной плиты. И не было никаких сил шевельнуться. Сердце вновь зашлось

леденящей болью, застучало, заколотилось, грозясь выпрыгнуть наружу. Ноги не желали слушаться. Но неизвестная сила словно магнитом тянула вперёд, туда, к большой братской могиле. Глаза, давно потерявшие зоркость, как будто бы вновь стали молодыми. И увидели надпись на плите. Пятая сверху строчка. «Никодимов Александр Николаевич, 1924 — 1943». Спина выпрямилась сама собой. Евгения Васильевна вдохнула холодный воздух и вышла из машины. Медленно ступая по холодной и мокрой опавшей листве, подошла к могиле. Медленно опустилась на колени, положила сухие ладони на ледяной камень и тихо сказала:

— Здравствуй. Вот я и пришла.

За её спиной негромко, в тон свисту ветра в ветвях, плакала Маша. Свинцовые тучи ползли по горизонту. Время утекало сквозь пальцы. Сколько они там стояли — час, два, день? После целой жизни уже не важно. Никто не сказал больше ни слова. И только, когда стало темнеть, Маша, стоявшая и глядевшая с каким-то непонятным выражением на памятник, заговорила.

Евгения Васильевна понимала: та сейчас просто не знает, что именно должна испытывать. Там, в могиле вроде и не чужой человек, родной дядя, да вот только не видела она его ни разу, знала со слов отца, никогда не заглядывала в глаза. Только имя и память отца о нём.

А для Евгении Васильевны не было могилы. Было родное лицо, любимые глаза, живой Саша. Перед внутренним взором вспыхнула картинка. Вокзал, толчея плачущих, смеющихся, кричащих людей. Запах паровозного дыма и человеческого пота. Поезд, уходящий на фронт. И он, её жених, топчущийся в толпе таких же молодых, бесшабашно-радостных и немного растерянных ново-

бранцев. Он серьёзно хмурит брови, слушая пожилого сержанта, что-то упорно втолковывающего молодняку. Кивает, как все, неловко одёргивает новенькую гимнастёрку. А в голубых глазах притаился страх. Вот сейчас, в последний момент и раскроют обман, узнают, что приписал он себе лишний год, и отправят с позором домой. Он не замечает, что такая же глубоко запрятанная паника проступает и на лицах его товарищей. Не он один такой. Не первый и не последний за предстоящие военные годы.

Женя стоит там, куда отогнали всех провожающих. Плакать нет сил, так тяжело на душе. Да и нельзя. Нельзя, чтобы Саша видел сейчас её слёзы. Потом, дома, в подушку, закусив ладонь и бесконечно повторяя себе — всё будет хорошо, всё будет хорошо. Но только не сейчас. Она держит за руку Сашину мать, которая рыдает, не скрываясь. Ничего, ей можно, она мать. Пусть плачет за двоих. А она, Женя, будет сильной. Это сейчас самое нужное.

Саша вдруг дёргает отвлётшегося на что-то сержанта за рукав и быстро начинает говорить. На его лице почти умоляющее выражение. Пожилой дядька кидает взгляд в сторону провожающих, вздыхает и неохотно кивает. И Саша срывается с места. Бежит, всех расталкивая. Всем всё равно, на него даже не смотрят. У каждого своё горе.

Он подбегает к Жене и останавливается, тяжело дыша. Взгляд шальной, отчаянный. Резко, сильно обнимает мать, целует в щёку. Потом поворачивается к Жене и хватает её за руку. Взгляд глаза в глаза, требовательный и какой-то беззащитный.

— Дождёшься? — спрашивает он на выдохе. Не в силах справиться с дрожью в голосе, Женя просто кива-

ет. Саша наклоняется и целует её в щёку. Неловко, впервые. В первый и последний раз. А спустя мгновение отпускает её холодные пальцы и бежит обратно, туда, где уже недовольно притопывает пожилой сержант.

— Евгения Васильевна, — вырывает её из воспоминаний голос Маши. Та зябко кутается в шаль поверх плаща. Осенний ветер неласков. — Евгения Васильевна, — повторяет она задумчиво. — Я всё спросить хотела. А как же вас нашли? Ведь вы могли фамилию поменять, по мужу, например.

Евгения поправила воротник старого пальто и грустно улыбнулась.

— А я не была замужем, милая. — В ответ на недоумённый взгляд Маши пожала плечами и пояснила, как маленькой: — Я ведь обещала дождаться Сашеньку. Вот, ждала, каждый день.

Потом наклонилась и, коснувшись памятника рукой в старческих морщинах, сказала тихо, уже тому, чьё имя было выбито на плите.

— И дождалась. Вот и слава Богу.

Теперь она знала, зачем просыпалась каждое утро, зачем поднималась через боль и непроходящую усталость, зачем год за годом несла на плечах тяжесть прожитых лет. Нельзя было уйти, не выполнив самого важного обещания в её жизни. А ещё она знала, что сегодня ночью ей опять приснится знакомый сон. Холм, серое небо и бой внизу. Только теперь она не будет стоять и вздрагивать от каждого удара снаряда. Она раскинет руки и побежит вниз с холма, туда, где среди других, таких же молодых и бесстрашных, защищает свою страну её Саша. Больше не будет страшно, ведь она точно знает — враг отступит. Отступит, никуда не

денется. А она наконец добежит и заглянет в родные голубые глаза. И хмурое небо над головой больше не будет чужим. Разве может быть чужим небо, под которым ты нашла своего любимого?

Эта история основана на реальных событиях. Останки девятнадцатилетнего бойца, родом из Челябинска, нашли в 2017 году на Смоленщине. Поисковики отыскали его невесту, прождавшую своего жениха всю жизнь. Женщине на тот момент было 93 года.

ПРОБА ПЕРА

КОНКУРС ЮНЫХ АВТОРОВ

Кирилл Кийский

*ученик 10 класса ГБОУ школа-интерната № 1
им. К.К. Грота, Санкт-Петербург*

Горит свеча.
Или как я сгорает...
Огонь, как обезумевший, поёт.
Поёт и умирает...
Как песня бледного, глухого скрипача.
Огонь кому-то мёд, кого-то напугает...
Фитиль пылает.
И плавит воск вокруг...
В желании простом — дышать, уходит друг...
Вполоборота перед выходом, добра желает.
И на лице читается испуг...
Возможно боль...
Душа так одинока...
Но чувства выбиваются из общего потока!

А я прощаю... На сердце слоём ляжет смоль...
Кому-то хороша, а с кем-то так жестока...
Огонь потух.
Свеча та замолчала...
И песня скрипача глухого отзвучала...
А тишина как бритва режет слух...
И бабка за плечом так мерзко заворчала...
Художник жив.
Но жизни он не верит,
И вряд ли он ещё кому-нибудь доверит
Той песни скрипача восторженный мотив...
Равно убьёт — себя он поумерит.

ЗЕЛЁНЫЙ ЧАЙ

Я счастлив, что ты рядом.
Я рад тому, что не приходится мне тешиться
Фальшивым взглядом,
Безжалостно в душе мешая злой январь и тёплый май.
Ведь ты мой май!
Зелёный чай.
Я рад тебе и благодарен Богу.
Что не способен ты к пустому диалогу.
Мне, как романтику, он яд!
Хотя как демагогу...
Но всё же ценны те, кто искренне молчат...
К кому приходишь вечно по итогу.
Зелёный чай.
Я обещаю быть всегда собой.
С достоинством приняв всё то, что послано судьбой.
Но я прошу, мой друг, и ты мне обещай!

Что не покинешь никогда меня.
Зелёный чай.

Вчера умерли все твои близкие.
Или близкими быть перестали...
Потолки стали серыми, низкими
И могильно, печально молчали...
Ты лежал, с темнотой разделяя
Оголённого сердца порез...
Боль о том, что погас, засияя,
И что жизнь для души — стипль-чез*.

Ты писал на вечернем окне,
Запотевшем от серого пара...
Признаваясь в чувствах весне,
И что ближе людей — гитара...
Ты пытался окно разбить!
Разрывая листы признанья,
Запрещаю себе любить,
Заменяя порез изгнанием...

Ты всегда открывался сердцем,
Доверяя наивно ключи.
Оставлял неприкрытой дверцу,
Чтоб зашли без труда палачи...
Палачи, как известно, в масках...
И под маской не видишь их.

*Стипль-чез — в конном спорте скачки с препятствиями.

Ты доверился им напрасно,
А теперь этот пишешь стих...

Анна Ткачёва

*Ученица 7 класса ГКОУ РО «Ростовская
специальная школа-интернат № 38»*

СКАЗКА ОСЕННЕГО ЛЕСА

Осенью листья сильно шуршат,
Звери в спячку ложиться спешат.
Солнце бледнеет, пожухла трава,
Гуще и гуще небес синева.

Лес наш багряную шубку надел
И вдалеке, как костёр, пламенел.
Ветер, лаская, деревья колышет,
Утром от леса туман идёт — дышит!

Дымит тихонько осенний лесок,
Тихо, что даже не вздрогнет сучок.

Вот вдалеке зашуршала трава,
Вот из дупла показалась сова,
Вот наш могучий дуб опустел,
И пёстрый наряд его в лес улетел.

И по секрету скажу вам, друзья,
В этом лесу был сегодня и я!

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Елена Наливаева

ДОМАШНЕЕ

Так здорово, когда я возвращаюсь
В мои леса сосновые пешком,
Воображая тонкий запах чая,
Идти к теплу, хрустя в пути снежком.

Зима, как рукодельница, нанижет
На кисти шарфа бисер снежный мне...
И с каждым шагом явственней и ближе
Улыбка ожидания в окне.

Горстями любопытно смотрят звёзды
На гостью и хозяйку — два в одном...
И в минус сорок здесь я не замёрзну,
И в минус сто! Мне этот Город — Дом.

Я — маленький игрушечный кораблик,
И прежний мой хозяин нерадив:
Гулял — меня в канавке позабыв,
Убрёл куда-то... Цел он?.. не озяб ли?
Ждала, что возвратится, много дней,
Но — нет. А дождь прибил меня без спроса

К твоим ногам и ткнул в ботинок носом. —
Возьми с собой. Я пригожусь к весне.

СОЛНЦЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Открыла глаза поутру: что случилось?
Светло. Вот так новость: морозно, не слякоть!..
Синё-то! Берлинской лазури не снилось!
А солнце-то!.. — жмурюсь, чтоб вдруг не заплакать.

Хватаю рюкзак. Бутерброды в кармашки...
А в термос, чтоб духи травы согревали,
Бросаю шиповника, мяты, ромашки;
Трясу — и крутым кипятком заливаю.

Не травы, так шапка и свитер согреют —
Всё связано мамой. Что надо, отлично!
Одеться бегом и за двери скорее:
К вокзальным часам!.. на перрон!.. в электричку!..

Там в окнах зубчатой каёмкой (тем резче,
Чем небо яснее), узорчатым танцем —
Деревья. Там голос на странном наречье
Хрипуче гнусавит названия станций...

Куда-нибудь за город, где под снегами
Природа точь-в-точь как из «Зимнего дуба»*,
Где тропки задорно хрустят под ногами,
Где шишки сопят под рассыпчатой шубой

*«Зимний дуб» — рассказ Юрия Нагибина.

В надёжных, раскидистых ёлочьих лапах...
Весь день напролёт с январём прообщаться!

...Да, солнце такое, что хочется плакать.
От счастья, конечно же.
Только от счастья.

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ

Финалы дня порой чудаковаты:
Вчера распух над солнцем тучный флюс
С дождём внутри. Сегодня — свет богатый,
Живой, как от свечных старинных люстр.

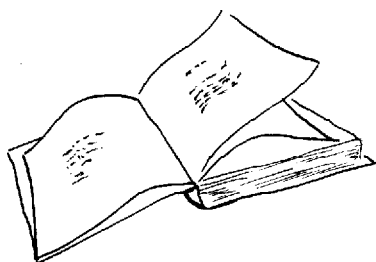
Пескарь премудрый мой, издалека ты
Приехать не рискнёшь ко мне. Не злюсь.
Возьму сфотографирую закат — и
С тобою электронно поделюсь.

В моём окошке — камертоны-сосны,
А над окошком — жёлтенький, простой
Скворечник для прижившейся семейки.

От дружбы, между прочим, можно сохнуть
Не меньше, чем истаивать от той,
Которая «не вздохи на скамейке».

ОВСЕЙ ДРИЗ

1908 — 1971

Очень многие знают и любят прекрасную бардовскую песню «Зелёная карета». И считают, что её автор — Александр Суханов, но он только автор музыки. Слова к этой песне написал совсем другой человек — поэт-фронтовик Овсей Дриз, писавший на языке идиш*.

Овсей Дриз родился в местечке Красное недалеко от Винницы в 1908 году в семье ремесленника. Отец поэта умер на пути в Америку ещё до того, как его жена разрешилась от бремени. Будущий поэт родился сиротой. Молодая вдова со временем вторично вышла замуж. И детство Шике Дриза-младшего прошло в доме деда — лудильщика. К деду часто заглядывали на огонёк его соседи — такие же ремесленники, мастеровые, которые всегда тяжело работали, но никогда не теряли чувства юмора. Любили острое словцо, весёлую песню. Грамоте и премудростям мальчик обучался в хедере**, получив традиционное начальное еврейское образование, а когда новая власть открыла в селе украинскую школу, то стал её учеником.

Окончив школу, Дриз поехал в Киев и поступил на работу на завод «Арсенал». Одновременно учился в худо-

*Идиш — разговорный язык евреев Восточной и Центральной Европы.

**Хедер — базовая начальная школа в традиционной еврейской системе образования в Восточной и Центральной Европе.

жественном училище, в Киевском институте искусства. Он мечтал стать скульптором. С детских лет рисовал, лепил. Но в полную силу его талант открылся в поэзии.

Писал он по-еврейски на идиш, овладев языком в доме деда. Музыкальность и мудрость этого языка стали главным отличительным признаком его поэзии. С конца 1920-х годов он публикует стихи в литературных журналах на идише, в 1930-е выпускает два поэтических сборника, его замечают влиятельные литературные деятели, правда, одни восторженно хвалят его стихи за связь с фольклорными традициями, другие отчаянно критикуют за их схематичность и абстрактность, отсутствие ярких образов и метафор, неожиданных эпитетов. Их действительно нет ни в его ранних, ни в поздних стихах.

Начиная с первого сборника стихам Дриза присущи другие легко узнаваемые черты. Его поэзия построена не на образах, а на лёгкой, естественной речи. Его стихи надо читать вслух, чтобы понять их интонационное богатство. Чтобы каждый нюанс авторской интонации был понят читателем, поэт экспериментирует со сверхдлинными и сверхкороткими строками, со сложной строфикой, с неточной рифмой, с рифмованной прозой, с верлибром. Этот стиль человека 1920-х годов, вкус к стиховой игре, сохранился в его творчестве навсегда. Он, ровесник обэриутов*, одновременно с ними вошедший в литературу, остался таким до самого конца.

*ОБЭРИУМ (Объединение Реального Искусства) — группа писателей и деятелей культуры, существовавшая в 1927 — начале 1930-х годов в Ленинграде. ОБЭРИУты декларировали отказ от традиционных форм искусства, необходимость обновления методов изображения действительности, культивировали гротеск, алогизм, поэтику абсурда.

В 1934 году 26-летний поэт пошёл добровольцем в Красную армию, в пограничные войска Украинского округа. Служба была нелёгкой, поскольку проходила на территории, которая после раздела Польши в 1939 году отошла к СССР. Там, на границе, он встретил начало войны, а дальше, как во фронтовой песне: «с “лейкой” и блокнотом, а то и с пулемётом». Редактировал «дивизионку», сотрудничал во фронтовых газетах. Были на дорогах войны и мучительные отступления, и попытки узнать, где находятся родные и что с ними. Именно во время войны и вскоре после неё были написаны самые сильные, самые трагические стихи Дриза — о войне. Демобилизуется он только в 1947 году и переезжает в Москву.

В СССР начался трудный период в истории литературы на идиш: убийство актёра и режиссёра советского театра на идише Соломона Михоэлса, разгром Еврейского антифашистского комитета, закрытие издательства, которое специализировалось на художественной литературе на языке идиш, а также на переводах с идиша на русский. Дриз избежал того, чего не избежали многие еврейские литераторы в СССР — лагерей. На этом список его «достижений» в конце 1940х — первой половине 1950-х годов заканчивается.

Чтобы как-то выжить, поэту пришлось перепробовать много профессий. Он работает лепщиком, мраморщиком-гранильщиком надгробных памятников, камнерезом, то есть изготовителем скульптур в мастерской Художественного фонда. Еврейский поэт Овсей Дриз вместе со всей разгромленной и замученной советской еврейской литературой остался в прошлом. Он не публикуется ни в оригинале, ни в переводах, как не публикуется в стра-

не в эти годы ни один из авторов, пишущих на идиш. Он начинает писать стихи для детей, но и их печатать было нигде — книг, газет и журналов на идиш не выпускали. Поэт бедствует.

В конце 1950-х годов отношение властей к советской еврейской литературе меняется. Сперва осторожно, затем резко увеличивая тиражи, наряду со «взрослыми» стихами стали издаваться книжки для детей. Начинают выходить оригинальные и переводные еврейские книги. Дриз тоже пытается вернуться в литературу, прежде всего — найти переводчиков для своих стихов. Наконец в 1959 году вышел «Весёлый пекарь» — первый сборник детских стихов Дриза в русских переводах. «Весёлый пекарь» был издан немалым тиражом в 35 тысяч экземпляров. Предисловие написал маститый Лев Кассиль. А уже через год следующая книжка «Глоток воды» имела тираж 300 тысяч.

Стихи Дриза для детей переводили на языки народов СССР, а также на иностранные. Некоторые его стихи были положены на музыку, их распевали в детсадах и школах, не подозревая о том, что тексты являются переводом с идиш. По стихам-сказкам выпускали мультфильмы, в театрах ставили спектакли, например, по пьесе «Серебряная кузница».

Побег в детскую поэзию сохранил Дризу жизнь почти до 63. Как рассказывала вдова поэта, он умер от третьего инфаркта 14 февраля 1971 года. На его сердце при вскрытии обнаружили шесть «узелков» — то есть три инфаркта он перенёс на ногах или за письменным столом.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БАБЬЕМУ ЯРУ

(ПЕСНЯ МАТЕРИ)

Я бы привязала колыбельку к балке
И тебя б качала, мой ангел, мой Янкель.
Но мой дом как факел вспыхнул среди ночи,
Негде мне баюкать тебя, мой сыночек.

Я бы привязала к дубу колыбельку,
Пела б и качала дочку мою Эльку.
Но дотла сгорели все мои пожитки,
Не осталось даже от наволочки нитки.

Чёрные густые косы я отрежу
И на длинных косах колыбель подвешу.
Но кого баюкать? Где вы, мои дети?
Я одна осталась на всём белом свете.

Буду я по свету матерей аукать:
Приходите, матери, плакать и баюкать.
Матери седые, будем с вами вместе
Бабий Яр баюкать колыбельной песней.

КИРПИЧНЫЙ БУКЕТ

Война — войной,
А подарок — подарком.
Я сидел в опустевшей комнате
И думал,
Что подарить любимой.
Война — войной,
А подарок — подарком.
Вдруг меня осенило!

Подарю ей
Четыре моих стены.
Стену, открытую настежь
Для добрых людей.
Стену, что спокойно считает
Минуты, часы моей жизни.
Стену, что смотрит квадратом
Тревожного неба.
И эту стену,
Что немного меня стыдится, —
Я знаю,
У неё есть уши.
Мой кирпичный букет
Я обвязал лентой —
И опустил туда ключ.
Война — войной,
А подарок — подарком...
Я очнулся в госпитале.
Ударила бомба в ту ночь
В мой кирпичный букет.

Чтобы сделать волшебным
Весенний рассвет,
Надо долго-долго идти
И охапку сияющих
Жёлтых лучей
Самому на дороге найти.

И добавить к сияющим
Жёлтым лучам
Охапку зелёных веток,
Краешек неба,

Пенье ручья
И маленьких птиц
Всевозможных расцветок.

И добавить немного
Тёплого ветра,
Запах ландыша,
Звон травы,
И потом ладошкой
Плеснуть на это
Совсем немножко
Речной синевы.

И всё это вместе
Перемешать,
Закрыть глаза
И почти
Не дышать!

Клянусь, это будет
Волшебным рассветом,
Если никто не забудет
При этом
Крикнуть маме:
«Доброе утро!»

ОДИНОКИЙ САПОГ

Полустанок
Как развалившаяся печь.
На остатках стены —
Колокол
Без языка.

Возле насыпи —
Одинокий сапог.

Его оставил солдат,
Ему не нужен был правый сапог.

А поезда всё идут,
Идут.
А колёса стучат,
Стучат.

Ещё один солдат
Ковыляет,
Опираясь на костыли.

Он поднял сапог,
Пощупал голенище,
Постучал по подмётке:

«Пригодится», —
Взял его
И оставил свой левый сапог.

А поезда всё идут,
Идут.
А колёса стучат
И стучат...

На остатках стены —
Колокол
Без языка.

Возле насыпи —
Одинокий сапог.

А поезда всё идут,
Идут.
А колёса стучат
И стучат.

Учёнейший доктор, великий учёный
Прослушивал грудь мою трубочкой чёрной.
Он долго по рёбрам стучал своим пальцем,
Как будто бы в дом одинокий стучался,
И удивлённо сказал мне потом он:
— Но где ж твоё сердце? Его нету дома!
— Ах, добрый мой доктор,
Откуда ж мне знать?
Я сердце не смог под замком удержать —
Всё нужно ему, до всего ему дело:
О чём там вороны галдят очумело,
Зачем из-под снега цветок тянет стебель,
И что себе думают звёзды на небе...
Ну разве тюремщик я, доктор мой добрый,
Чтоб сердце держать своё в клетке из рёбер?

Ах, как лихо
Острия зелёных почек

Поднимают ветки в небо!
Глянцевитые, тугие,
Словно кулачки младенца,
Сжатые со всею силой,
Требуя себе весь мир.

Ох, как тихо
Вниз спускаются, ложатся
Листья жёлтые на землю,
Как усталые ладони —
Все в мозолях и морщинах...
Словно говорят, прощаясь, —
Мы не взяли
Ничего.

ЗЕЛЁНАЯ СТАРОСТЬ

Мой милый портной, ни драпа, ни шёлку —
Принёс я листьев зелёных кошёлку.
Я листьев принёс тебе полные жмени —
Зелёную старость, пожалуйста, сшей мне.
Я руки раскину, я вытянусь к звёздам —
Пусть птицы совьют на плечах моих гнёзда,
А люди — поверят, что дерево это,
И люльку повесят в тени моих веток.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Овсей Дриз

ГЛАЗА

В глазах у нежных —
Нежность,
Отвага —
У бойца,
В глазах у скромных —
Скромность,
У хитрых —
Хитреца.
И что ты ни придумай,
И что ни напиши,
Все люди знают,
Что глаза —
Зеркало души.

ВЕТЕР-ВЕТЕРОК

Есть на свете взрослый Ветер,
Есть и Ветер-Ветерок.
Он резвее, чем котёнок,
Веселее, чем щенок.
И любимые игрушки
Есть у Ветра-Ветерка:

У мальчишки на макушке
Три упрямых волоска,
Скрип разбуженной калитки,
Шелест листьев поутру.
Схватит он листок бумаги —
И гоняет по двору.
Или ласточку поймает
И подбросит в облака.
Вот любимые игрушки
Озорного Ветерка.

ЧЕТЫРЕ ШАПКИ

Четыре шапки у клёна,
Не снимешь их для поклона.
Одна — как зелёная дымка:
Сквозная, почти невидимка.
Другая — тёмно-зелёная,
Гнёздами отяжелённая.
Третья — всех ярче шапок,
Будто вся из гусиных лапок.
А четвёртая — белая-белая.
Угадай, из чего она сделана?
Разгадка совсем простая:
Торопись — не то шапка растает.

ЧТО ГДЕ СПРЯТАНО

Дерево прячет
Корни в земле.
Искры таятся
В тёплой золе.

В жёлуде зрелом
Спрятан дубок.
В хрупкой скорлупке
Спрятан желток.
Жемчуг — в ракушке,
Рыба — в пруду.
Только лишь глупость
Одна на виду!

ЗЕЛЁНАЯ КАРЕТА

Спят мышата, спят ежата,
Медвежата и ребята.
Всё уснуло до рассвета.
Лишь зелёная карета
Мчится, мчится в вышине —
В серебристой тишине.
Шесть коней разгорячённых
В шляпах алых и зелёных
Над землёй несутся вскачь.
На запятках — чёрный грач.
Не угнаться за каретой.
Ведь Весна в карете этой,
И спешит она к лесным
Удивительным портным...
Вот зелёные портные
Взяли нитки травяные,
Взяли острые иголки
У густой зелёной ёлки,
На полянке сели в ряд,
Шьют Весне они наряд.
Спите, спите, медвежата,

И ежата, и ребята:
Ведь зелёная обнова
Не совсем ещё готова.
В самый тихий, ранний час
Звон подков разбудит вас.
Только глянешь из окна —
На дворе стоит Весна.

Кристина Стрельникова

КОНТРОЛЬНЫЙ КОТ

Отличница Катя уже решает. Остальные только собираются. Собираются все по-разному: Антон втихаря грызёт яблоко, Дашка — ручку, а Толик — ногти. Алинка смотрится в зеркало. Она красивая, и решать задачи ей ни к чему.

Артём в пятый раз читает условие. «В первый магазин привезли 19 ящиков рыбы. А во второй 25...» Какую рыбу, интересно, привезли? Минтай, наверное. А карпы в магазинах плавают, в огромных аквариумах. Так жалко их, ужас! Толкнутся там, в грязной воде. Написано: «Живая рыба». Да разве это жизнь? Купить бы всю эту рыбу и в речку выпустить!

«В первый магазин привезли на 45 кг рыбы меньше, чем во второй...» Может, там просто льда было меньше... Интересно, рыба мёрзнет в реке зимой? Как она выживает вообще, когда кругом лёд? Стоп! «Сколько рыбы осталось, если из второго магазина увезли 20 кг...» А вдруг рыба замерзает прямо живьём? Вдруг она лежит в морозилке ещё живая? А потом возьмёт и оживёт, когда растает?

Так, в один магазин привезли, а из другого увезли. А почему увезли? Не понравилась, что ли? Недавно мама купила минтай, так даже бабушкин кот не стал есть. Сказал: «Ешьте сами».

25 ящиков рыбы... Отец уже второй год обещает на рыбалку сводить. А как выходной — так за компьютером сидит. Так, увезли 20 кг, а привозили-то на 45 кг больше! И чего они её возят туда-сюда?

Артём открыл тетрадь для контрольных работ. Начертил схему. Вздыхнул. Слева нарисовал рыбью пирамиду. Поставил жирный вопрос. Справа нарисовал пирамиду побольше, написал: «плюс 45 кг». Из большой пирамиды в маленькую поплыла рыбка. Во-от какая красивая получилась. Плыви, плыви! Артём нарисовал рыбе зонт. Зачем ей зонтик? Интересно, откуда это выражение пошло: «нужен, как рыбе зонтик»?

Алинка всё ещё смотрится в зеркало. Глаза у Алинки блестящие, и волосы, и зубы тоже. Вся светится. Рыбы, наверное, много ест.

Значит, ещё на 25 кг меньше осталось во втором... А сколько кг в первом-то было? Тьфу! Да чтобы я ещё хоть одну рыбку съел!

Артём посмотрел на пирамидку из магазина № 1. Может, директор первого магазина просто не любил рыбу? Может, у него аллергия!

Сюда бы бабушкиного кота Ваську. (У бабушки все коты почему-то Васьки.) Этот Васька в два счёта разобрался бы с рыбой. Артём нарисовал между двумя пирамидками кота. Кот растерянно смотрел на рыбу и тоже не мог решить задачу. Зато схема стала веселее. Васька может ходить по схеме, как по забору.

— Осталось пять минут. Заканчиваем.

Катя поплыла между рядами сдавать первой. Она была похожа на рыбу-телескопика. Остальные что-то второпях дописывали и молча шевелили губами, как рыбы. Целый класс рыб!

— Сдаём работы!

Кот вопросительно смотрел на Артёма и, кажется, даже плечами пожимал: «Что делать будем?»

Артём написал под схемой: «Вот вам кот! Как решать — не знаю!» — и сдал своего кота в тетрадке.

Когда Людмила Викторовна проверила работы, она стала объявлять оценки. Артём смотрел в окно. Конечно, у них с Васькой двойка...

Людмила Викторовна взяла в руки тетрадку Артёма.

— У Артёма — явный прогресс, — сказала она. — Поздравляю! К четвертому классу он научился рисовать кота!

Артём удивлённо посмотрел на учительницу.

— Артём, спасибо тебе за кота. Я поставила ему пятёрку! — улыбнулась Людмила Викторовна. — По рисованию, конечно, а не по математике.

Артём раскрыл тетрадь. Кот сидел на месте, с пятёркой в лапах. Он был вполне доволен.

ДЕТСТВО УЧЕБНИКА

Один учебник вспомнил своё детство. Как стоял он на поляне и хлопал в ладоши: то ли гусениц отгонял, то ли с бабочками играл. А может, просто ветер ловил. В детстве, когда он был совсем ещё зелёным, его кормили дождевой водой. Его мама — большая берёза — защищала его от жаркого солнца, делилась каплями дождя и пела ему песни на своём древесном языке.

А потом, когда он повзрослел, его пригласили на огромную бумажную фабрику, одели его в новенькие красивые обложки и написали на нём разные умные (и не очень) слова. Его листочки побелели и шуршали уже не от ветра, а от перелистывания.

Учебник обожал, когда его перелистывали. Можно было глотнуть свежего воздуха, а заодно поделиться своими знаниями.

Но ученик не очень любил листать учебник. Признаться, учебнику было немного обидно. Ведь для чего-то же его сделали!

Ученик слушал монотонный голос учителя и задумчиво пририсовывал учебнику два больших глаза.

Когда ученик дорисовал правый глаз, учебник как раз вспомнил маленькую птицу, севшую однажды на его зелёное плечо. То ли страус, то ли пингвин — в детстве он этого ещё не знал — в учебнике про них ничего не было написано. Да это и неважно. Важно, что он тогда раскачивал эту птичку, как на качелях. Учебник скосил новенький глаз в сторону окна и зашелестел страницами.

— Что-что? — спросил ученик, наклонившись к учебнику.

— Птица, птица, — шепнул учебник, обрадовавшись, что его слышат.

Ученик уже не слушал, что говорил учитель. Он пририсовывал учебнику два крыла.

В это время к ученику подошёл учитель и стукнул указкой по столу.

— Ну что, Фантазёркин, усвоил урок? Как изготавливается бумага?

Ученик ничего не ответил, только внимательно посмотрел на деревянную указку.

— Ничего-то ты не усвоил, Фантазёркин! — сказал учитель и тоже посмотрел на свою указку, внезапно покрывшуюся зелёными побегами и листьями.

Учебник, воспользовавшись тем, что учитель отвлёкся, расправил крылья, покружил над классом, похлопал на прощание обложкой и вылетел в окно.

А за ним, как по команде, сорвались все тридцать три учебника. И тридцать три ученика, облокотившись на подоконники, провожали взглядом вереницу курлычущих учебников.

— Эх, Фантазёркин, опять тебе повезло, — вздохнул учитель и, запнувшись о стол, пустивший корни, отправился готовиться к следующему уроку.

РОМАШКА ИЗ ПРОШЛОГО

ЯН-526, размечтавшись, засмотрелся на электронное табло. Раньше он был учителем и смотрел на чёрную школьную доску. А сейчас он — специалист по внедрению знаний в нанотехношколе номер 526. Зовут его Ядер Никелевич. Короче, ЯН-526. Наверное, он уже довольно стар по прежним меркам, но сейчас, когда людей научились обновлять, ЯН-526 выглядел чуть старше своих учеников.

— А знаете ли вы, что такое ромашка? — очнувшись от мечтаний, спросил вдруг ЯН-526.

Дети быстро пролистали электронные учебники с третьего по пятый класс.

— Ядер Никелевич, в нашей учебной программе этого не заложено. У нас сейчас микробиология, а потом — генная инженерия, — протараторил ученик номер 025.

— Да знаю я! — махнул рукой учитель, досадно сморщившись. — Но если бы вы хоть раз её увидели...

На парте ученицы № 028/3 зажёгся светодиод. (А раньше дети поднимали руки, чтобы ответить.)

— Ядер Никелевич, может быть, это из области биотехнологии? Это генно-модифицированный продукт?

— Не-ет, — ещё горше произнёс бывший учитель.

— А что же это? Объясните чётче. Не отнимайте нашего времени.

Но тут на уравновешенного ЯН-526 что-то нашло.

Он схватил свой электронный журнал да как грохнет его об пол! Даже искры полетели. Подкатился робот-уборщик и моментально устранил мусор.

— Ничего вы не понимаете! Ро-ма-а-шка — это цветок. Возьмёшь его в руки, а серёдка — жёлтенькая, как солнышко, — учитель показал на окно.

Дети посмотрели в звуконепроницаемое окно, но ничего, кроме серой воздушной массы, не увидели.

— Ну, или как цыплёнок — пушистый, тёплый...

— Цыплят мы на картинках видели, — отозвались ученики под номерами 006 и 009. — Кажется, до того, как их научились модифицировать, они появлялись сами. Из твёрдой оболочки, содержащей кальций.

ЯН-526 выставил ладони лодочкой и ласково посмотрел на воображаемую ромашку.

— А по краям у неё — лепестки. Белые-белые, как лебединые перья... Ах, да вы не знаете, — покачал на руках свою ромашку ЯН-526.

Ученики пожали плечами. Некоторые, вытянув шеи, пытались заглянуть в ладони специалиста по внедрению знаний. Возможно, он устраивает биологический опыт у них на глазах?

— Так вот... Возьмёшь её, вот так к лицу поднесёшь, а она пахнет лугом, дождём...

— Ядер Никелевич, что вы такое говорите? Вы прекрасно знаете, что нам нельзя ничего нюхать и вдыхать. Особенно без кислородных шлемов. У нас же у всех аллергия. А сегодняшним кислотным дождём вообще человека растворить можно.

Ядер Никелевич сел на стул и беспомощно покачал головой.

— Есть! — вдруг послышался голос ученицы 028/4.

Она сейчас находилась в космическом путешествии и посещала уроки виртуально — прямо с межгалактического лайнера.

— Есть! Посмотрите, что я нашла.

На мониторе показалась древняя книга, между страницами которой был зажат сухой стебель непонятного растения.

— Раньше, когда не было электронных гербариев, а цветы ещё были, люди сушили цветы вот так — между страницами книг. У меня как раз осталась бабушкина книга. Она из бумаги!

Все прилипли к монитору, чтобы увидеть сохранившуюся редкость — бумажную книгу, в которой был рисунок.

— Надо же, какое у него строение! Он не пластиковый, не металлический и даже не из неоновых трубок!

— Да, дети. Это — настоящий цветок. Ромашка! — воскликнул учитель.

— Значит, можно взять его отмершую клетку, оживить и размножить. Делов-то! — фыркнул ученик № 009.

— Нет, — грустно возразил учитель. — У него не будет ни аромата, ни целебных свойств, ни жёлтой пыльцы. И его лепестки не смогут колыхаться на ветру. А бабочки никогда не прилетят за нектаром.

— Какие бабочки, Ядер Никелевич? Вы ещё птеродак-

тилей вспомните! — улыбнулся ученик № 025. И, немного подумав, добавил: — Вообще-то, мой папа говорил мне о каких-то цветах. Они росли, пока дедушка не построил завод для производства биороботов.

— И моя мама говорила мне о последней цветочной поляне. На её месте построили Планетарную почтовую станцию.

— Точно! На ромашках, кажется, можно было будущее предсказывать.

— Да не будущее, а химические процессы — любовь, нелюбовь.

Дети вспоминали рассказы бабушек и дедушек, а учитель задумался.

— А давайте-ка заглянем к нашему АЛ-526, — внезапно предложил Ядер Никелевич.

— Ура-а! — закричали дети в микрофоны, вделанные в шлемы. — Атом Люминович наверняка сделал очередной прорыв во времени.

Атом Люминович немного поворчал (была у него такая устаревшая привычка — ворчание, он ведь был ровесником Ядера Никелевича), а потом открыл портал со светящейся надписью: 2010.

Осторожно, не снимая герметичных шлемов, дети переступили порог давно забытого две тысячи десятого года.

Самое первое, что бросилось в глаза, — яркие, ослепительные цвета. Вверху — синий, внизу — зелёный. И всюду — свет. Много света. А ещё их оглушил шум — вокруг шумело, шелестело и щебетало.

— Кислородные шлемы можно снять, — объявил ЯН-256 и первым освободился от защиты.

Непривычно щурясь на солнце, дети осматривались.

Старушка в платочке, с добрым лицом и с ведром, полным чего-то тёмно-красного, подошла к толпе.

— Чего, ребятки, в космонавтов играете? Вот молодцы.

— Д-да, — неуверенно ответили дети, испугавшись собственных звонких голосов. (На воздухе отчего-то говорилось легче.) Ученик № 025 шумно втянул носом свежесть и покачулся.

«Надо будет сказать бабушке, чтобы больше не омолаживалась», — подумала ученица 029/1, разглядывая ласковые лучики морщин на старушкином лице.

— Дети, а ведь это — земляника! — воскликнул Ядер Никелевич. — Вот, посмотрите на этот экземпляр.

— А можно взять образец, Ядер Никелевич?

— Да чего ж на неё смотреть-то? Разбирайте, детки, кушайте на здоровье! И вы тоже кушайте, Яков Николаевич, — сказала старушка.

— Как-как? — переспросил ЯН-526, удивляясь такому простому и ясному имени.

— Ммм, ни на что не похоже! — замычали от удовольствия дети. — Не оставляет привкуса пластмассы и полиэтилена. Интересно, что это за ароматизатор?

— Смотрите! — закричала вдруг ученица № 023/3. — Кажется, это... она!

Ромашка покачивалась на ветру и звала к себе. А за ней — ещё одна. И ещё, и ещё. Маленькое жёлто-белое море ромашек волновалось под голубым небом. И все они в середине были жёлтые, как цыплята на картинках. Дети восхищённо разглядывали цветы и пытались представить себе лебединые перья.

— Вот артисты, а! — умилялась старушка. — Будто травы не видали.

Внимание учеников 006 и 009 было приковано к полосатым насекомым, гудящим над ромашковой волной.

— Они летают сами! — наконец сделал вывод 009.

— Дети, нам пора! — воскликнул Ядер Никелевич, взглянув на горящий напульсник.

Подхватив шлемы, ребята помчались в свой отрезок времени.

— Ядер Никелевич, а мне бабушка дала ромашек с собой. Букет называется. Теперь мы можем их у себя размножить? А потом ещё здесь бабочек наловим, да? А может, и за птицами вернёмся?

Ядер Никелевич обернулся. Взлохмаченный 025 был непривычно взбудоражен и умоляюще смотрел на учителя.

«А глаза-то у него синие, как васильки, — впервые заметил учитель. — Только как объяснить, что такое василёк?»

— Зови меня Яков Николаевич. А я буду звать тебя Васильком... Васей. Ладно?

Вася кивнул и осторожно двинулся к порогу времени. Шёл мелкими шажками, то и дело нащупывая ромашки под герметичным костюмом. Они были мягкие, хрупкие, сладко пахли и доверчиво прижимались к его груди. Он должен был обязательно их донести.

ЧИХАЛКА

У одной девочки был дневник чихания. Кто не знает — это такой дневничок, где по дням недели и по часам расписано, что означает каждое чихание.

Например, пятница, с 12.00 до 13.00 — к свиданию. Но если чихнёшь не в 13.00, а в 13.05, то это уже не к свиданию, а совсем наоборот — к разлуке.

Девочка всюду носила с собой эту ценную вещь. Идёт она, допустим, с подругой в кино. Среди сеанса вдруг чихает. Быстренько достаёт дневник. Смотрит: ага, 18.00 — «нежданный поцелуй». Понятно! Крутит головой — кто же на неё накинется с поцелуями? Но пока вертится, снова чихает. Глядит в дневник, а там — яснее ясного: «тебе мешает подруга». Всё верно, пока от подруги не избавишься, никто не поцелует.

На уроках, конечно, сложнее. Однажды перед входом в класс она чихнула, и это означало: «берегись блондина». Заходит — и точно: историк-то блондин, хоть и лысеющий. Он потребовал от неё ответа, а она снова чихнула. Тут она извернулась и покосилась в чихальщик (а может, в чихальник, я точно не помню). А там такая фразочка: «он скрывает свои чувства к тебе». Что ей оставалось делать? Она сказала так: «Я не могу вам ответить», а про себя добавила: «взаимностью». И ведь верно, не обманул дневник.

Историк поставил ей двойку, грустно вздохнул и сказал: «Тебе, по-моему, начхать на мою историю». Из этого следовало, что он приложил все усилия, чтобы скрыть свои чувства. По дороге домой девочка чихнула ровно в 17.00 и, пролистав дневник, обнаружила: «предстоит серьёзный разговор». Ещё бы, дома-то уже родители поджидают!

Многие девочки из класса, видя такие точные прогнозы, принялись заводить свои чихальники (нет, наверное, всё-таки чихалки — ну как «гадалки») и переписывать расписание чихов. А в благодарность чихающей девочке подарили небольшую собачку породы чихуахуа.

Только подруга этой самой девочки была недовольна. Потому что весь распорядок дня, да что там — вся друж-

ба! — была подчинена этому злосчастному чихушнику. Собрались они, предположим, на культурное мероприятие — на дискотеку, а тут по дороге — «апчихи!» — и жди, что апчихишник скажет. Если нагадает «приятного гостя сегодня вечером», значит, придётся бежать домой и ждать этого самого гостя. Если гость не придёт, наготове столько объяснений, сколько раз чихнёт за этот вечер девочка. Возможно, «преграды в дружбе», «он не уверен в своей любви» и даже «придёт не тот, кого ты ожидала».

И вот эта самая эгоистичная подруга, которой надоел чихальник, решила, что девочка что-то слишком расчихалась в последнее время. Купила подруга лекарство от аллергии и капала в столовой по 15 капель в тарелку своей чихунье. Через неделю у чихающей (теперь уже не чихающей) девочки начался кризис. Ну не чихается — и всё тут. Как узнать: идти или не идти, знакомиться или не стоит, отвечать или не отвечать, любит или не любит? Ни одной проблемы не решить без этого самого... уж и не знаю, как его назвать. А коварная подруга на прогулки тащит, на разные мероприятия, в спортивные секции. Как будто сама не понимает, какой опасности подвергает человека, лишившегося предсказания по чиху!

Поначалу девочка даже выходить из дома боялась. А потом — ничего, привыкла. Началась бесчихальная жизнь. Подруга была очень довольна. Только теперь нечихающая девочка гороскопами увлеклась. Ну ничего, это ещё терпимо, здесь по крайней мере пророчества расписаны не на час, а на целый день. К тому же гороскопы эти по-всякому истолковать можно. И если предсказано: «избегайте встречи с невысоким злобным типом спортивного телосложения», то можно списать это на первого попавшегося бульдога в подворотне.

СОСЕДСКИЕ СНЫ

Одна девочка по ночам не могла уснуть. Сначала она расстраивалась. Но потом решила найти себе какое-нибудь нескучное занятие — привидений поугадать, что ли. Но привидения в этом районе давно уже вывелись — не одна она такая умная нашлась.

Она открыла окно и стала смотреть. Поначалу ничего, кроме темноты, не увидела. Но потом стали проявляться неясные очертания. Оказалось, что она запросто может видеть соседские сны. За всеми сновидениями не уследишь, поэтому она стала отслеживать только сны своих знакомых.

— Так-так... Вон к Воронцову сон полетел. Шайба, ключечка. Ну, лети себе на здоровье, физкульт-привет! — приговаривала она, сидя у окна.

Однажды её привлёк чей-то красивый сон. То ли Королева красоты нарисовалась, то ли Мисс Вселенная. В общем, красавица. Да ещё с ворохом подарков из бутика. И направляется в сторону Ивановой.

— Эй, ты куда? — закричала девочка. — Нечего тебе там делать. Тоже мне, вырядилась! Иванову и так от модных журналов не оторвёшь. Только и делает, что перед зеркалом крутится. Лети вон лучше к бабе Дусе из пятой квартиры.

Красавица подхватила модные вещички и растворилась в бабы-Дусином окне.

А девочка стала караулить дальше.

— Так, ты пролетай... Ты вообще неинтересный. Стоп! А ты куда? — спросила она у сна, в котором разодетая Королькова катилась на роликах по лунной дорожке.

Сон молча указал на окно напротив. Это было окно спортсмена Старцева.

— Чего? — возмутилась девочка. — Ещё не хватало, чтобы Королькова Старцеву снилась. Кыш отсюда!

И нереальная Королькова, обиженно надув губы, покати́лась по лунной дорожке.

Потом промчался сон в боксёрских перчатках — к Борцову, но девочка успела ухватить его за ногу.

— Куда? Иди-ка лучше, наподдай Морозову: он сегодня мою сумку на шкаф закинул.

Девочка так вошла во вкус, что бедные сны выстраивались перед ней и докладывали, куда они летят и как собираются сниться. А она кому-то разрешала показываться, кому-то — нет. Некоторым вообще приказывала: «А ты — исчезни!»

Наконец им это надоело. В одну прекрасную ночь чужие сны предупредили девочку:

— Или ты оставишь нас в покое, или мы тебе такое покажем!

— Ой-ой-ой, напугали! — показала язык девочка. — Монстров я не боюсь.

В эту ночь она как раз решила уснуть. Хоть раз в неделю надо выспаться. И вот ждёт она свой любимый шоколадный сон. Вдруг подкатывается к ней огромный глобус. Из него выходит Марья Михайловна и спрашивает страшным голосом: «Какой материк омывают все четыре океана?» Сколько ни крутилась девочка, всё равно появлялась только Марья Михайловна в глобусе. И вопросы у неё были — один страшней другого. В другой раз она спросила: «А какой материк не омывается ни одним океаном?»

При этом Марья Михайловна жутко хохотала: «А-а-а, не знаешь?!» — и высовывала из рукавов острые руки-указки.

Вскочила девочка с кровати, озирается. Смотрит — сны в окно заглядывают и хихикают:

— Ну что, будешь ещё за нами следить или тебе «ужастик» про математику показать?

Ни слова не говоря, девочка закрыла окно, наглухо задёрнула шторы, с головой одеялом накрылась.

Что ей снилось в эту ночь — никто не знает. Потому что сны — личное дело каждого.

А кто много будет знать, тому скоро приснится трёхголовая Тригонометрия.